Эллен Таннер
Марш
Укрощение
строптивых

Эллен Таннер Марш
Укрощение строптивых

OCR Roland; SpellCheck Satok
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160120
Укрощение строптивых: АСТ; Москва; 1997
ISBN 5-7841-0758-5

Аннотация

Прелестная Иден Гамильтон, оставшаяся сиротой после восстания сипаев в дикой и опасной Индии, с большой неохотой принимает помощь и поддержку графа Роксбери. Очень уж опасная слава у легкомысленного и дерзкого графа, очень уж дурная у него репутация. Но Роксбери, с первого взгляда очарованный красотой юной шотландки, поставил своей целью укротить строптивую Иден и добиться ее взаимности...

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 25
Глава 3 54
Глава 4 76
Глава 5 97
Глава 6 136
Конец ознакомительного фрагмента. 146

Эллен Таннер Марш
Укрощение строптивых

Глава 1

Мирут, май 1857 год

Восходящее солнце, медленно поднимаясь из-за холмов, быстро слизало длинные тени и разогнало дымку предрассветного тумана. Вслед ему прошуршал в высокой траве легкий утренний ветерок, разнося по равнине пыль из-под копыт скачущей во весь опор одинокой лошади. Лицо всадника, низко нагнувшегося в седле, закрывал свободный конец муслиновой чалмы, совсем как у живущих в Хайберских горах туземцев. Припавшая к лошади тонкая фигура всадника говорила о большой спешке, его напряжение передавалось лошади, подстегивало ее, заставляло мчаться еще быстрее, пока наконец золотистая трава под копытами не слилась в сплошной бурый ковер.

Иден Гамильтон еще крепче сжала поводья, сердце ее бешено билось в такт ударам копыт. Она посмотрела вдаль и увидела, что фиолетовые тени, пересекавшие глубокие ущелья, быстро исчезают, а обжигающие лучи солнца уже осветили вершины гор и окрасили их будто языками пламени.

«Глупо!» – подумала она, сознавая, что уехала сегодня

слишком далеко и не успеет вернуться в Мирут незамеченной. Она уже догадывалась, как будет сердиться миссис Персиваль, у которой они с кузиной Изабел гостят, и представляла выражение ужаса на ее обычно терпеливом лице при известии, что Иден опять отправилась на верховую прогулку без сопровождения и едва одетая – в легкой блузе без рукавов и свободных муслиновых шароварах.

«Не могу поверить, что отец разрешает тебе уходить из дома в подобном виде, одетой как местная голытьба! – обязательно воскликнет миссис Персиваль, укоризненно качая головой. – Даже и не думай скакать верхом в четыре часа утра, Иден! Может быть, ты и привыкла к такому странному поведению в Лакнау, но пока ты здесь, в Мируте, забудь об этом, поняла?»

«Да, мэм», – как всегда, покорно ответит Иден, стоя у входа в небольшой дом, где произошла первая из многих стычка с миссис Персиваль.

Как жаль, что она не может понять, что в любое другое время дня прогулка невозможна из-за жары, и потом, нельзя же сидеть в мужском седле, если на тебе фартучки и нижние юбки, а именно так положено одеваться четырнадцатилетним девочкам, которые, подобно Иден, растут в строгих правилах чопорной викторианской эпохи. Чалма тоже совершенно необходима: как еще уберечься от пыли, которая во время скачки не дает дышать и забивает рот?

Иден и не собиралась открыто спорить с действующей из

самых благих побуждений миссис Персиваль. Она уже давно выяснила, что ночной сторож за небольшое вознаграждение с радостью забывал запереть заднюю калитку, и Иден без труда могла незаметно выскользнуть из дома, никого не потревожив. Даже Изабел, с которой они жили в одной комнате, не подозревала об этих предрассветных прогулках, совершенно безопасных, с точки зрения Иден, если, конечно, никто не узнает.

Но сегодня она забралась слишком далеко, очарованная сиянием звезд на небосводе и затем бледно-золотистыми и нежно-абрикосовыми отблесками рассвета на древних утесах.

Стремительная кобылица по кличке Мемтаз, казалось, понимает состояние Иден, потому что вместе с хозяйкой послушно все утро неслась по равнине, и Иден ни разу не осадила ее, пока они не достигли берега тускло поблескивающей реки. Здесь они спугнули небольшое стадо антилоп, и Иден завороженно наблюдала за их стремительным бегством в сторону тенистых гор до тех пор, пока вдали не осталось ничего, кроме облачка пыли. Разумеется, миссис Персиваль позаботится, чтобы Иден понесла достойное наказание за такое дерзкое поведение. Синие глаза девочки внезапно вспыхнули гневом.

– Если бы я была старше! – прошептала она, зная, что никто бы не посмел запретить взрослой женщине прогулку верхом, когда ей вздумается. Иден очень хотелось стать армей-

ским командиром, когда вырастет. Тогда под ее началом будет целый полк солдат, таких же гордых и хорошо обученных, как у ее отца, и тогда уже никто не посмеет отправить офицера Бенгальской армии Ост-Индской торговой компании в дом к одинокой вдове, хоть и действующей из лучших побуждений, но все же ужасно нудной и скучной, а главное, давно забывшей собственную юность!

Завидев впереди на пригорке прижавшиеся к земле строения Мирута, Иден подстегнула лошадь. Военный городок, окруженный деревьями и высокой побеленной стеной, располагался за окраинами городских базаров. Здесь, в приветливом небольшом домике, стоявшем как раз напротив парадного плаца, и жила сейчас Иден со своей кузиной. И домик, и прислугу для хлопотливой миссис Персиваль предоставил полковник Кармайкл-Смит, командир Третьего кавалерийского полка и бывший сокурсник отца Иден по военному училищу Ост-Индской компании в Аддискомбе. Хотя Иден находила полковника сверх меры напыщенным и скучным, она все же была благодарна ему за то, что он помог ей привезти из Лакнау и устроить в полковой конюшне ее любимую лошадь.

Иден не сомневалась, что полковник Кармайкл-Смит, так же как и миссис Персиваль, не одобрит ее верховых прогулок. Однако в отличие от последней он располагает достаточной властью, чтобы положить им конец. Но даже это не особенно пугало Иден, которая не собиралась исправлять свое

неподобающее поведение до тех пор, пока полковнику не сообщат о нем и он не запретит ей покидать пределы городка.

– И это может случиться быстрее, чем ты думаешь, – с горечью сказала себе вслух Иден, убежденная, что на этот раз долготерпению миссис Персиваль придет конец и она обязательно выполнит свою угрозу, сообщив полковнику обо всех прегрешениях барышни Гамильтон. – А винить, кроме самой себя, некого, не надо было так далеко забираться, – подвела итог своим размышлениям Иден.

Посмотрев вперед, девочка увидела длинный ряд залитых розовым светом одноэтажных домиков с куполообразными крышами. Сердце ее забилось ровнее, она вдруг подумала, что еще не поздно и, возможно, удастся пробраться в дом незамеченной. Она успокоилась, тихонько запела от радости и подняла руку к полоске муслина, которая закрывала лицо, чтобы отцепить ее. Однако в следующее мгновение Иден едва не вылетела из седла, когда Мемтаз резко задрала морду и громко заржала.

– Что случилось, piari? – спросила девочка и, наклонившись вперед, успокаивающе погладила лошадь по шее.

Неожиданный треск выстрелов заставил ее пригнуться. Иден с ужасом заметила темные клубы дыма, поднимающиеся над верхушками деревьев. Наконец-то она поняла, что розовое сияние, освещающее военный городок, – не отражение восходящего солнца, а сполохи страшного пожара.

Подстегнув Мемтаз, Иден направила ее к воротам, но

впервые в жизни маленькая храбрая лошадка отказалась подчиниться приказанию хозяйки. Она громко фыркнула, заартачилась, резко повернула, и, когда Иден попыталась развернуть ее, лошадка встала на дыбы, отказываясь слушаться.

Иден спешилась, взяла лошадь под уздцы, но та вскинула голову и отступила назад, и только тогда девочка разглядела, чего так испугалась Мемтаз.

Это был труп британского солдата. Он лежал лицом вниз, кавалерийский мундир на нем разъехался надвое от удара сабли, а перемешанные с пылью светлые волосы слиплись от спекшейся крови. Иден ужаснулась, узнав в нем молодого Колина Джеффорда, одного из порученцев полковника Кармайкла-Смита. Она в страхе посмотрела в сторону ворот и увидела недалеко еще один труп, и еще... и еще...

– Нет! – прошептала она. – Нет! Со стороны бараков раздался ружейный огонь. Иден метнулась к стене. Пригибаясь в густом кустарнике, она тянула лошадь за собой. Надежно привязав ее к кусту, девочка перелезла через стену и затаилась в ветвях дерева. Густой едкий дым щипал глаза и мешал смотреть, а бушующий огонь превратил и без того мучительную жару в адское пекло.

На дороге и на узкой полоске травы между парадным плацем и арсеналом вповалку лежали тела убитых. Иден не верила своим глазам: убитые были не солдатами, а гражданскими – белая женщина с двумя детьми, несколько слуг-ин-

дусов. Иден показалось, что она узнала в убитой женщине жену лейтенанта Уикэма, но тело было настолько изуродовано, что сказать наверняка было трудно.

Услышав новые выстрелы, девочка поспешила нырнуть в густую листву дерева. Она с ужасом увидела, как мимо на лошадях из гарнизонной конюшни пронеслось не менее полудюжины соваров, конников-индусов, вооруженных ружьями.

– Маго! Маго! – услышала она их крики. – Смерть иноземцам! Никого не щадить!

Со стороны арсенала их встретил ружейный залп – горстка английских солдат успела занять позицию для обороны. Однако их быстро заставили замолчать несколько метких выстрелов конников. Когда стихли последние выстрелы со стороны англичан, они победно потрясли в воздухе кулаками.

– Вперед, братья, вперед! – выкрикнул один из соваров. – Англичан еще много! Прикончим их всех! Вперед на Дели!

– Нет! – вырвалось у Иден, когда она смотрела, как исчезают в облаке пыли совары. – Нет! Неправда! Не может быть!

Но это была правда. Именно это предвидел ее отец, когда безуспешно пытался предупредить свое начальство. Но к нему не прислушались, отмахнулись от его опасений, мол, среди сипаев, наемных солдат-пехотинцев, постоянно случаются волнения, потому что в армиях Ост-Индской компании, могущественной британской фирмы, управляющей

всей Индией, служат местные. С какой стати бояться таких разговоров, если ими все и кончается!

Отца Иден не удовлетворяли такие уверения: он-то хорошо знал, как быстро недовольство сипаев и соваров находит путь к сердцам и умам простых людей, населяющих Индию. Это постоянно растущее недовольство было вызвано политикой отчуждения, которую вела Ост-Индская компания, захватывая даже дружественно настроенные штаты и насаждая там своих правителей. Полковник Гамильтон с горечью говорил, что в общем и целом вся эта политика сводилась к откровенному захвату земель, и, конечно, нельзя ожидать, что народ Индии будет долго терпеть такое положение.

Невероятно, но хозяева Компании даже не пытались скрыть, что прекрасно понимают свои действия. Но жадность заставляла их захватывать даже беднейшие штаты. Эти люди были непоколебимы в своей высокомерной убежденности, что помогают отсталому народу встать на путь просвещения и прогресса, считали этот народ слишком темным, чтобы торговать с ним честно и по справедливости. Так ли уж важно, если на пути к цивилизации будут скинуты много лет правящие раджи захваченных штатов? Ведь они – существа низшего порядка, марионеточные фигуры, которые правят цветными и черномазыми, а стало быть, никем другим управлять не способны. «Чего можно бояться со стороны этих невежественных дикарей?» – презрительно вопрошали хозяева Компании.

Четырнадцатилетняя Иден Гамильтон, задыхаясь, со слезами на глазах, сжалась и еще глубже зарылась в густые ветви, когда два ухмыляющихся вооруженных человека появились на веранде дома прямо под деревом, на котором она сидела. Их мундиры стали жесткими от чужой крови, в руках они несли мешки, набитые добычей. Иден была потрясена – она узнала мундиры риссальдаров, младших офицеров-индусов, которых выделяли из рядового состава. От них-то можно было ожидать верности. Если даже риссальдары изменили присяге, которую давали все индусы на военной службе у англичан, что же говорить о сипаях, которые, как и предсказывал ее отец, уже многие месяцы были на грани бунта?

Иден услышала, как один из них грязно выругался, когда тяжелый мушкет выскользнул у него из рук и с грохотом упал на ступени веранды.

– Постой, брат, я не могу тащить сразу все!

– Брось ружье, – посоветовал напарник, – найдем еще сколько угодно, а вот добыча наша стоит подороже, чем это ржавое старье!

Они засмеялись и с мешками в руках поспешили по пожухлой траве в сторону густых зарослей бамбука за дальней от девочки стеной домика.

Затаив дыхание, Иден подождала некоторое время, убедившись, что в доме больше никого нет, спрыгнула на землю, пригнувшись перебежала лужайку перед домом и подня-

ла брошенный мушкет. Он был старый и слишком тяжелый для нее, но заряженный, а стрелять она умела. Прижимая мушкет к груди и придерживаясь спасительной тени колючего кустарника, Иден побежала к дому миссис Персиваль.

Слезы радости наполнили ее глаза, когда она добежала до цветочных клумб, украшающих опрятный двор полковника Кармайкла-Смита, и увидела, что дом не пострадал от пожара. Но все равно выглядел он очень странно и непривычно пусто. А что это лежит в дверном проеме между верандой и комнатой? Глаза девочки расширились от ужаса, когда она узнала труп Мемфаисалы, толстой кухарки-магометанки, служившей у полковника. Вещи, разбросанные на ступенях и перед домом, молча рассказывали о трагедии, которая произошла здесь.

– Миссис Персиваль! Изабел! – закричала Иден, одним махом перелетая через ступеньки.

– Иден! Иден-баба!

Иден обернулась на зов, держа наготове мушкет, если вдруг потребуется стрелять, и чуть слышно всхлипнула, увидев, как невысокая индианка в разорванном сари поспешила ей навстречу в жарких лучах утреннего солнца.

– Ситка! – радостно вырвалось у девочки.

– Благодарю богов, что ты жива! – запричитала женщина, крепко обнимая девочку. – Я все время ждала, пока ты вернешься с прогулки. Первый раз в жизни не ругала тебя за дурные привычки.

– Ситка, что случилось? – спросила Иден, переходя на хиндустани, родной язык женщины. – Это сипаи? Они восстали против нас? А где миссис Персиваль и Изабел?

– Тише, piari, не говори так громко! Нам надо спрятаться. Послушай, разве ты не слышишь выстрелы? Совары прочесывают все вокруг – ищут англичан, им все равно, кого убить, лишь бы никого не осталось в живых. – Индианка потянула девочку за раскидистый кустарник, растущий с теневой стороны дома, и, все время оглядываясь, шептала: – Твой отец, полковник-саиб, ошибался, когда думал, что в Мируте будет безопаснее. Ведь здесь стоит столько английских полков. А здесь-то все и началось. Толпа на базаре кричала, мол, пора покончить с правлением Компании, там и первая кровь пролилась!

Иден вздрогнула, когда посмотрела в переполненные ужасом глаза женщины, которая ухаживала за ней с самого рождения.

– Значит, это восстали сипаи? – шепотом спросила она.

– Сипаи и совары, пехота и кавалерия, – со слезами ответила Ситка. – И поднялись они не только против английских офицеров, но и против их жен и детей, против всех иноземцев. Все англичане, все до одного, сегодня в опасности!

– Это они сделали? – спросила Иден, оглядываясь вокруг. – А ведь отец говорил, что еще не поздно пойти на уступки...

– Ты, вижу, не знаешь последних новостей, – объяснила Ситка. – Вчера военный трибунал приговорил к пожизнен-

ным каторжным работам восемьдесят пять соваров.

– Трибунал? – У девочки перехватило дыхание.

– Полковник Смит-саиб сам огласил приговор. Твой отец, возможно, и помнит его как благородного, достойного человека, но годы, судя по всему, отняли у него разум. Здесь еще никогда не слышали более несправедливого приговора!

– Господи, да что же сделали эти совары? – удивилась Иден.

Ситка сложила вместе обкусанные темнокожие пальцы.

– Говорят, они отказались использовать в своих ружьях картриджи, что изготовила Компания. Вот полковник-саиб и генерал Гевитт-саиб решили преподать остальным хороший урок.

Мысли Иден путались. Она вспомнила, что отец не раз говорил об этих картриджах, называя их дьявольским творением. Он предсказывал, что переход на новые картриджи может послужить той самой искрой, из которой разгорится пламя восстания по всей Индии. Новые картриджи смазывали жиром коров и свиней. Чтобы вскрыть, их необходимо было надкусить. Вот против этого и возражали все солдаты-индусы, для которых говяжий жир во рту такое же оскорбление, как свинина для мусульманина.

– Сипаи смотрели на картриджи как на заговор Компании, которая хотела покончить с их кастовостью, – добавила Ситка и вздрогнула, потому что для индуса разрушить индийскую кастовость означало посягнуть на святая святых. –

Когда солдаты в Мируте отказались прикасаться к картриджам, Кармайкл-Смит-саиб обвинил их в неповиновении, а генерал-саиб приказал снять с них форму на площади, и их увезли в исподнем.

«Болваны!» – подумала Иден. Комок, который застрял у нее в горле, когда она увидела мертвого Колина Джеффорда за воротами поселения, стал еще тверже. Подумать только! Пока она носилась по равнине, забыв обо всем на свете, обезумевшая толпа из города ворвалась в тюрьму, освободила арестованных и пошла на англичан, которые опозорили их. Обида, которая постепенно накапливалась в людях, наконец выплеснулась. И даже таким все понимающим мудрецам, как полковник Дугал Гамильтон, уже не под силу было изменить ход событий и укротить бушующую ярость.

Прячась в горячей тени разграбленного дома полковника Кармайкла-Смита, Иден чувствовала, как по спине струйками стекает пот и молотками стучит кровь в висках. Она подняла лицо к пышущему жаром голубому небу, языком облизала пересохшие губы и попыталась привести мысли в порядок. Девочка не помнила, как наступил рассвет, не помнила, когда почувствовала удушающую жару и страшную жажду, но ей казалось, что прошла целая вечность с того мгновения, когда она оставила Мемтаз в кустарнике за воротами.

– А другие полки? Почему они не пришли? Они ведь не могли не услышать выстрелы! – осипшим голосом спросила девочка. Но, говоря это, она тут же вспомнила, каким уди-

вительно пустынным показался ей Большой каменный путь, когда Мемтаз галопом неслась по нему назад к конюшне. Они не встретили ни одной повозки, запряженной осликом и спешащей ранним утром в Мирут из окрестных деревень, ни одних носилок со знатными английскими дамами, ни сонных, медлительных слонов, ни телег, запряженных волами.

– Солдаты хвастают, что убили всех европейцев в Мируте, – сказала ей Ситка. – Надо бежать, пока они не нашли нас! Я уже давно схоронилась здесь, детка. Мемфаисале не повезло. Она думала, что солдаты нас не тронут, что им нужны только хозяева. Но я видела, как они взломали дверь... – Она неожиданно замолчала и тихо и безутешно заплакала, закрыв лицо ладонями.

– А что стало с миссис Персиваль и с моей кузиной?

– Не знаю, что стало с госпожой, – Ситка покачала головой, – но твоя кузина успела убежать еще до того, как солдаты пришли в первый раз. Я спряталась здесь, в кустах, так и не решилась вернуться в дом. – Индианка перешла на шепот, наклонившись к самому уху девочки: – По-моему, убили всех. Всех, Иден-баба, и женщин, и детей. Надо уходить, пока не поздно, потому что, хотя солдаты и пошли на Дели в поисках новой крови, голодранцы из города придут вслед за ними грабить оставшееся. Они тоже жаждут наживы и крови. – Женщина подняла голову, вытерла узорчатым краем сари слезы и, немного успокоившись, посмотрела на бледное, красивое лицо английской девочки, которую любила,

как родную дочь, и чьи глаза сейчас были полны ужаса. – Надо уходить, пока есть надежда, piari. В этой одежде ты вполне сойдешь за местного паренька, но надо спешить, если мы хотим спастись...

– Нет, – внезапно ответила Иден. Когда индианка удивленно посмотрела на девочку, то увидела твердую решимость на ее осунувшемся личике и поняла, что спорить бесполезно. – Нельзя уходить, пока мы не найдем Изабел. Надо посмотреть, может, еще остался кто-то, кому нужна наша помощь. И еды надо взять с собой, сколько сможем. Давай хорошенько посмотрим вокруг.

– Давай, – нехотя согласилась Ситка, – но, если увидим солдат или босяков из города, сразу же уходим, обещай мне, детка! – Иден серьезно кивнула. – У меня в Даргунже живет двоюродный брат, – добавила Ситка чуть веселее. – Тебе небезопасно оставаться в Мируте. Пойдем к нему. Он надежный человек, он нас спрячет.

– Тогда надо спешить, – заторопилась Иден. Она осторожно выглянула из укрытия и не увидела ничего, кроме пыли и марева над площадью. Прячась под густыми ветками кустарника, она добралась до ступенек крыльца и, стараясь не смотреть на раздувшееся тело Мемфаисалы, поднялась в дом.

Иден не поверила своим глазам, ей стало нехорошо, когда она увидела, что сотворили грабители с уютными комнатами. Вся мебель в доме была переломана, дорогие портьеры с окон сорваны, картины изодраны, фарфор разбит, антиква-

риат из большого шкафа разбросан по столовой, а из перевернутого графина на роскошный персидский ковер вылилось бренди, оставив уродливое ржавое пятно.

– Не может быть! – бессвязно шептала девочка. – Не может быть!..

– Скорее, детка! – поторопила ее Ситка, судорожно перебирая содержимое кухонного буфета и спеша наполнить холщовый заплечный мешок.

Иден быстро прошла через переднюю в кабинет полковника и с радостью увидела, что футляр с пистолетом в шкафу не тронули. Она бросилась к нему, но вдруг остановилась как вкопанная. Сердце чуть не выскочило у нее из груди, когда она увидела перед собой распростертое на полу тело...

Миссис Персиваль лежала на спине в окружении широких кринолинов. Ее небольшой рот был приоткрыт: казалось, безмолвный крик застрял у нее в горле. Невидящие глаза смотрели в пустоту. Иден зажала рот рукой и поискала глазами хоть какие-то следы, которые указали бы, как умерла бедная женщина. Девочка простояла так бесконечно долгое мгновение, потом судорожно сглотнула и заставила себя переступить через еще не остывшее тело.

Трясущимися руками она открыла крышку футляра и достала порох и дробь. Ситка, конечно, считает, что важнее еды и воды ничего нет, но Иден не собирается уходить отсюда, основательно не вооружившись.

Она быстро набила карманы широких шаровар мешочка-

ми с порохом, закрыла стеклянную дверь шкафа и вдруг замерла, услышав звуки тяжелых шагов, доносящиеся с веранды. Иден быстро пригнулась и затаилась за лакированной ширмой, которая обычно прикрывала слугу, который медленно дергал за шнур и приводил в движение опахало из тростниковых листьев, закрепленное под потолком.

Скрипнули половые доски в передней. Иден посмотрела в щелочку и затаила дыхание, когда длинная тень упала на пол. Девочка рассмотрела начищенные до блеска черные ботинки, брюки в синюю полоску и, к своему изумлению, темно-красный мундир офицера пехоты. Лицо над тугим черным воротничком разглядеть было трудно, но Иден не сомневалась, что оно – европейское. Она с облегчением перевела дух.

«Слава Богу», – подумала девочка и уже хотела выйти из своего укрытия, но ее остановил страшный грохот взрыва где-то неподалеку. В ответ сразу же началась частая беспорядочная стрельба, а английский офицер, которого тоже остановил неожиданный взрыв, грубо выругался.

У Иден округлились глаза, она не могла прийти в себя, когда увидела, как он, отпихнув ногой тело миссис Персиваль, бесцеремонно начал рыться в содержимом ящиков письменного стола полковника Кармайкла-Смита. Ножом для вскрытия писем он пытался отодвинуть какую-то планку в ящике и обрадовался, когда это ему наконец удалось. Пошарил рукой в открывшемся углублении и, довольный, достал оттуда

небольшую жестяную шкатулку, в каких обычно хранят чай или табак и которую Иден мгновенно узнала – эту шкатулку отец передал Ситке перед отъездом из Лакнау. Тогда Иден не придала этому никакого значения, приняв шкатулку за подарок для полковника Кармайкла-Смита, но сейчас она в изумлении уставилась на ее содержимое, рассыпавшееся по письменному столу. Кроваво-красные рубины, некоторые из них были больше яйца малиновки, играя в лучах солнца, лежали рядом с нитями загадочно мерцающего лунного камня и сапфиров. Блестели и переливались обработанные изумруды, грани которых искрились отраженным солнечным светом...

– Не сомневаюсь, вы сами не прочь были воспользоваться всем этим, не так ли? – обратился офицер к трупу миссис Персиваль.

– Господин, умоляю вас, не берите эти драгоценности!

Офицер замер, и на мгновение оцепеневшей Иден тоже показалось, что эти слова произнесла мертвая женщина.

– Господин, прошу вас, госпожа обещала мне, что заберет их с собой, и... О! О!.. Неужели она мертва?

– Ситка! – прошептала Иден, узнав голос.

С полными страха глазами индианка быстро пересекла комнату и, переступив через распростертое тело, попыталась отнять шкатулку у офицера:

– Господин, прошу вас! Я обещала своему хозяину, что с драгоценностями ничего не случится!

– Убирайся, женщина! Ты в своем уме?

Офицер резко оттолкнул Ситку, и она, споткнувшись о ближайший стул, упала. Затем он повернулся к столу, намереваясь собрать рассыпанные камни, и не заметил, как Ситка с трудом поднялась на ноги и схватила нож для писем, который лежал рядом с ним.

Для офицера это оказалось полной неожиданностью, но Ситка была уже немолода и не очень сильна, и, хотя она нанесла удар изо всех сил, целясь в самое сердце, ей удалось всего лишь пробить красный офицерский мундир. Этого, однако, оказалось достаточно, чтобы из небольшой ранки брызнула кровь. Разъяренный офицер ударил Ситку так, что женщина замертво рухнула на пол.

Офицер никак не мог понять, что произошло в следующее мгновение: какое-то небольшое создание в ярости набросилось на него, кусая и царапая, ему с трудом удалось освободиться и схватить это создание за горло. Отбросив волосы с глаз, он увидел за муслиновой чалмой заостренное личико с синими глазами, которые так и пылали ненавистью. Офицер не смог скрыть неподдельного изумления.

– Да это всего лишь ребенок, – пробормотал он вслух, – индийский мальчонка...

Громкий треск выстрелов со стороны дороги разорвал напряженную тишину в комнате, отвлек внимание офицера и заглушил частое дыхание Иден. Офицер ослабил хватку на горле девочки, и она услышала, как кто-то колотит в дверь:

– Лейтенант! Лейтенант, вы здесь?

Отшвырнув в сторону Иден, офицер схватил шкатулку.

– Иду, Колфилз!

– Скорее, сэр! У нас мало времени!

Прижимая руку к сдавленному горлу, Иден бросилась вслед за ним и вдруг остановилась на веранде: шумная толпа с топорами, косами, палками и старыми ружьями через открытые ворота хлынула на территорию поселения. Заметив, что от дома полковника Кармайкла-Смита отъезжают двое военных, люди направились в их сторону, угрожая смертью этим еще живым саибам.

Иден, прикрывая рукой глаза от слепящего солнца, видела, как молодой офицер, который только что совершенно равнодушно убил Ситку, вскочил на поджидающего коня и ударом хлыста сорвал его с места. С диким криком Иден спрыгнула с крыльца и бросилась следом, не обращая внимания на адское пекло, на толпу, устремившуюся за ней. Одинокая пуля просвистела мимо ее головы. Иден отскочила в сторону, всхлипывая от страха и бессильной ярости. И тут же вскрикнула от ужаса, когда чья-то сильная рука ловко схватила ее сзади за шаровары, подняла и на полном скаку бросила поперек бешено скачущей лошади.

– Лежи тихо, непоседа! – прогремел голос прямо у нее над ухом на хиндустани, когда она попыталась вырваться. – Веди себя смирно, а то мы оба погибнем! Эти безумцы способны убить даже своего!

В это самое мгновение пуля зарылась в песок перед ними, и еще одна прошила рукав ее спасителя. Он выругался и прижал Иден к седлу, ударами хлыста подстегивая лошадь. Иден лежала поперек седла перед всадником, уткнувшись лицом в складки одежды, и едва дышала. Голова у нее кружилась от нестерпимой жары и бешеной скачки. Она попыталась высвободиться из рук, державших ее будто клещи, но только почувствовала, как все вокруг закружилось, затем чудовищные события этого страшного дня стали куда-то уплывать, а сама Иден вдруг погрузилась в полную черноту...

Глава 2

Маяр, Индия, 1861 год

Жемчужно-серый рассвет нежно озарил подножия гор, робкий утренний ветерок пронесся по равнине, поиграл сухим песком, пошептался о чем-то с палатками, полукругом разбитыми под деревьями неподалеку от реки. Хотя солнце еще не взошло и только слабые отблески его лучей играли на скалах, жара быстро набирала силу. Мужчина, распахнувший полог палатки, на секунду замер на пороге и только потом вдохнул уже горячий воздух.

– Боже правый, – проворчал он, – я сыт по горло этой страной. Еще один день в этом адском пекле – и я пущу себе пулю в лоб!

– А вот это ни к чему, старина. – Его спутник, видавший виды йоркширец Харри Диз, указал на тенистые расщелины, видневшиеся вдали. – Дворец раджи где-то наверху этого плато, миль двенадцать отсюда, не больше.

– Дело не только в жаре, – ворчливо продолжил капитан Артур Молсон, нагибаясь, чтобы поднести едва дымящуюся сигару к огню, и хмуро наблюдая, как тонкая струйка дыма поднимается к бледнеющему небу. – Меня просто бесит усердие Ламбертона, ему не терпится добиться подписей под этим проклятым договором. А его бесконечное нытье меня просто доконает. Уже четыре месяца как раджи Маяра нет

в живых, почему нельзя было подождать еще немного, пока не станет прохладнее, и тогда отправляться на переговоры с его наследником?

– Говорят, молодой раджа – непростой человек, —заметил Харри Диз, чиновник, ветеран индийской гражданской службы, отдавший ей двенадцать лет жизни. – Хотя старый раджа и был верен нам во времена восстания, кто знает, что на уме у принца Малраджа. Как ни малы его владения, армия у него отличная, и он в любое время может ею воспользоваться.

– Совершенно верно, мистер Диз, – согласился джентльмен с лицом землистого цвета, который появился из соседней палатки как раз вовремя, чтобы услышать слова чиновника. – Наследный принц, наверное, мне подобает сказать его высочество, новый раджа Маяра – непредсказуемый человек, его привязанности все время меняются. Потому нам тем более важно подписать с ним договор о мирном сосуществовании, поскольку наши земли граничат с его владениями.

– Напыщенный болван, – процедил сквозь зубы капитан Молсон, когда джентльмен с землистым лицом отошел за заросли колючих кустов справить нужду. – Проиграл прошлые выборы в палату общин, потерял место в парламенте, а туда же – не успел получить назначение представителем в Маяр, а уже ведет себя так, будто ему дали звание пэра. – Он плотно сжал губы под светлыми длинными усами. – Хотел

бы я знать, с чего это политический департамент так возится с этим Малраджем, особенно сейчас, когда большинство его соседей потеряли свои владения после подавления восстания. Уверен, все кончится тем, что он еще больше заважничает, а Ламбертон абсолютно не способен обращаться с черномазыми и, конечно, не сумеет сбить с него спесь. – Его взгляд стал холодным и твердым. – Попомните мои слова, Харри: нас ждет еще множество неприятностей. Таким, как Ламбертон, в Индии делать нечего!

– Да и вам тоже, – сухо сказал чиновник, наблюдая, как капитан Молсон трясущимися пальцами разминает новую сигару. Харри Дилз прекрасно знал, что приступы боли и желтизна кожи у Молсона вызваны непрекращающейся дизентерией, которая мучает беднягу с того времени, как они покинули Равалпинди.

– Верно, черт побери, – довольно равнодушно подтвердил капитан Молсон, – я бы никогда не согласился на эту миссию, если бы знал, что придется не только покинуть Равалпинди, но еще и пересечь эту жуткую пустыню в компании неотесанных гражданских! – Он распрямился и быстро добавил: – Исключая присутствующих, разумеется. Вы мне очень помогли, Харри. Просто не представляю, как бы мы добрались сюда, не будь вы нашим проводником. Для меня все горы Раджпутаны одинаковы. Они нанизаны друг на друга, не поймешь, где начало, где конец. Боюсь, даже от моих карт было бы мало толку.

– Совершенно верно, – согласился чиновник. Он поднялся и отряхнул пыль с брюк защитного цвета. – Пора распорядиться, чтобы сворачивали палатки. Не могу сказать, что меня прельщает перспектива перехода по пустыне в дневное время, но Ламбертон решительно настроен добраться в Питор до наступления темноты.

Капитан Молсон процедил сквозь зубы что-то невнятное, но явно оскорбительное.

– А вот еще одна загадка для вас, – добавил он, неожиданно меняя тему разговора и прищуренно глядя на палатку, разбитую чуть поодаль от остальных.

– Вы о чем? – Харри Диз обернулся и увидел, как из палатки вышел довольно молодой темноволосый мужчина в видавших виды бриджах и перемолвился о чем-то с одним из носильщиков. Его лицо, руки и обнаженная мускулистая грудь почернели от загара, а худощавое лицо в бледном свете раннего утра выглядело зловеще. – Вы говорите о Роксбери? Что с ним?

Капитан Молсон помолчал: он знал, что чиновник непонятно почему очень высокого мнения об этом человеке, хотя сам он считал Роксбери одним из самых неприятных людей, встречавшихся ему в жизни.

– Странное дело, – неуверенно начал Молсон, – никак не возьму в толк, почему помощник министра поручил графу Роксбери сопровождать британского представителя в Маяр. Он нетерпелив, чересчур высокомерен и своеволен. Это не

совсем те качества, которых требует искусство дипломатии, не так ли?

Если он надеялся, что Харри Диз прольет свет на эту загадку, то его ждало разочарование, потому что тот лишь рассмеялся, сказав:

– В этом вы совершенно правы, старина.

Капитан Молсон помрачнел и не стал развивать тему, хотя наверняка очень удивился бы, узнай, что граф Роксбери рассматривает свой будущий визит вежливости к строптивому правителю крошечного штата как невообразимо скучное обязательное мероприятие. Более того, перспектива пышного приема, который обязательно будет сопровождать их прибытие в Маяр, бесконечно утомляла его сиятельство. Вдобавок он уже с трудом выносил общество как капитана Молсона, начальника отряда сопровождения Ламбертона, так и самого британского представителя, Эдгара Ламбертона.

«Сборище болванов», – подумал в это самое мгновение граф Роксбери о своих невольных попутчиках, направляясь к речной отмели. Он и сам не понимал, почему так долго терпит всю эту компанию. Если не жара, так скука постоянно доводила его до сумасшествия. Он уже достаточно наслушался нудных лекций Эдгара Ламбертона и бесконечного нытья членов отряда сопровождения под началом капитана Молсона. Граф Роксбери приехал в Раджпутану не для того, чтобы принимать участие в дворцовых представлениях. Сам виноват, не надо было соглашаться сопровождать британско-

го посланника. Правда, он никогда бы и не согласился, если бы не настойчивость помощника министра, который оказал ему в прошлом несколько серьезных услуг и перед которым граф был теперь в долгу.

– Не желаете ли искупаться, Хазрат-саиб? – почтительно обратился к нему слуга, который семенил за ним следом с полотенцем и дорожным набором для бритья.

– Не сегодня, Бага Лал.

Граф Роксбери едва заметно улыбнулся, а затем все его тонкое загорелое лицо расплылось в улыбке. Его забавляло, что Бага Лал упорно обращался к нему ваше высочество, хотя уже многие поколения отделяли графа от того времени, когда его предки носили королевские титулы. Но поскольку такое обращение раздражало Молсона и Ламбертона – к ним обоим слуги-индусы относились с куда меньшим почтением, – Роксбери не стал исправлять его на более точное.

– Побреемся, Бага Лал, – произнес он на хиндустани, хотя в пути неизменно обращался к слугам только на английском. – Да работай лезвием побыстрее!

– Хазрат-саиб сегодня спешит? – заметил молодой индус, приседая на корточки, чтобы открыть кожаный чехол с бритвой. Улыбка озарила его обычно серьезное лицо. – Несомненно, он думает о красавицах, живущих во дворце раджи, хотя нам вряд ли позволят увидеть их. Как жаль! Но может быть, в честь прибытия высоких гостей раджа сочтет возможным показать их?

– И не надейся, – отозвался граф, с улыбкой наблюдая, как Бага Лал затачивает лезвие. Жемчужно-серый рассвет уже уступал место обжигающему утру. Солнце поднялось из-за гор, и река заискрилась золотыми блестками. Неожиданно граф рассмеялся. – И не надейся, тщеславный мечтатель Бага Лал! Я очень сомневаюсь, что раджа позволил бы своим женщинам принять нас, даже если бы они и не соблюдали законы purdah. Ни в коем случае, если есть хоть малейшая опасность, что жара повредит их внешности.

– Да, гарем юных красавиц – предмет гордости для любого правителя, – добродушно согласился молодой индус. Он поднял голову и мечтательно посмотрел вдаль, его темные глаза блестели. – Кто знает, а вдруг мы сумеем уговорить раджу... Что это? – Он неожиданно замолчал. Вдали на горизонте показалось облачко пыли. – Смотрите, не раджа ли послал нам почетную встречу?

– Это всего-навсего одна лошадь, – сказал граф, чье зрение было более острым, чем у слуги. Он поднялся и посмотрел туда, куда указывал рукой Бага Лал. Помолчал какое-то время, глядя на бешеную скачку, и нахмурился. – И похоже, она безумна.

– Она сбежала! – вырвалось у Бага Лала. Он тоже всматривался вдаль, прикрывая глаза от слепящего солнца. – Кажется, на ней кто-то есть... Мальчик, судя по виду. Вы видите?

– Вижу, – ответил граф, – и, если он свалится, обязательно

сломает ногу.

– Или шею, если эта обезумевшая животина попадет ногой в нору суслика.

Граф прищурился:

– Полагаю, необходимо позаботиться, чтобы этого не случилось.

– Не понимаю, Хазрат-саиб. – Бага Лал нахмурился.

Но Роксбери не ответил, и, когда Бага Лал повернулся к нему, хозяин был уже далеко. Он ловко перекинул ногу через спину лошади, с которой перед купанием еще не успели снять седло. Лошадь беспокойно храпела и переступала с ноги на ногу, а затем, подчиняясь властному голосу и пяткам, понеслась галопом. Длинный лошадиный хвост, подобно знамени, развевался за ним.

– Shabash! – с гордостью воскликнул Бага Лал. – Воистину, господин – принц из принцев! И если безумному животному суждено остановиться, клянусь, господин остановит его!

– Я бы и гроша на это не поставил, – пропыхтел пожилой мусульманин, подошедший посмотреть, что случилось. – Мальчишка скачет лихо.

– Ты ошибаешься, Кулум Азар, – у Бага Лала сверкнули глаза, – и твой грош докажет это.

– Согласен, – добродушно улыбнулся мусульманин.

Они видели, как мчавшаяся лошадь резко метнулась в сторону, чтобы избежать усыпанного огромными валунами

участка, и расстояние между ней и графом резко сократилось. Бага Лал довольно улыбнулся:

– Я еще могу заработать свой грош. Моему господину нужно только взять вправо, чтобы перехватить их. Проще простого, говорю тебе!

Однако графу в это самое мгновение так не казалось. Он потерял много времени на то, чтобы найти брод и перейти реку. Облачко пыли за это время значительно уменьшилось в размерах. Но лошадь под ним хорошо отдохнула за ночь, а земля была твердая и прекрасно подходила для галопа. Расстояние между ними быстро сокращалось.

Потревоженное стадо антилоп выскочило из колючих кустарников; гиена, набивающая неподалеку брюхо, на всякий случай отошла к реке. Роксбери не замечал ничего вокруг, но, когда услышал стук подков у себя за спиной, не удержался и бросил быстрый взгляд через плечо. Он с удивлением успел рассмотреть, что за ним скачет не Бага Лал и не кто-либо из носильщиков, сопровождавших отряд, а какой-то чалый мерин, которого граф видел впервые, и на спине его, низко пригнувшись к седлу, сидит молодой индус.

Роксбери хлыстом подстегнул коня и наконец поравнялся с утомившимся беглецом. Затем привстал в стременах, вытянулся, схватил поводья и резко остановил испуганную лошадь как раз в то мгновение, когда маленький всадник беспомощно вскрикнул и бессильно свалился на землю.

Граф спешился, опустился на колени рядом и осторожно

повернул упавшего. Это был мальчик лет девяти-десяти, он растерянно смотрел на графа.

– Ты не ушибся? – спросил граф на родном языке мальчика.

Прежде чем тот успел ответить, рядом с ними остановился мерин, подняв густую пыль вокруг.

– Джаджи! – крикнул юноша, спрыгивая с седла.

– Я... я в полном порядке, Чото Бай, – проговорил мальчик, тяжело дыша и пытаясь сесть. – Саиб... саиб успел остановить лошадь. Он спас мне жизнь!

– Твой конь все равно уже устал и скоро остановился бы сам, – отмахнулся Роксбери.

– Только после моего падения. У меня уже не было больше сил держаться. – Джаджи закашлялся и хотел поправить чалму, но руки у него заметно дрожали. – Тукки еще молодой и глупый жеребец, – добавил он нетвердо, – и мне надо было быть с ним построже.

– Он не моложе и не глупее всадника, – произнес Чото Бай, опускаясь рядом с мальчиком и протягивая ему фляжку с водой. Алая чалма закрывала лоб юноши до самых бровей, а свободный конец прикрывал лицо, защищая от мешающей дышать пыли и оставляя открытыми только глаза. Несмотря на страшную жару, на нем был зеленый стеганый кафтан до колен с плотно застегнутыми манжетами и воротом.

С любопытством рассматривая юношу, Роксбери обратил внимание на его удивительно синие, подобно чистейшему

лазуриту, глаза в оправе из густых черных ресниц, совсем как у девушки. Графу было известно, что у мужчин, живущих в горах, особенно у патанов, глаза голубые или серые, но он хорошо помнил, как помощник министра говорил ему, что в Маяре патаны не живут. Возможно, юноша – метис? Нет, маловероятно, мальчик не обратился бы к полукровке Чото Бай, что означает «Маленький брат», и потом, для простолюдина юноша слишком уверенно держится в седле. Скорее всего в нем течет кровь Раджпутов.

Как раз в это мгновение юноша поднял глаза и поймал пристальный взгляд графа. Юноша неожиданно замер и опустил фляжку из козлиной кожи.

– Поедем, Джаджи, – проговорил он сердито, – надо возвращаться, а то Авал Банну начнет нас разыскивать.

Джаджи попробовал встать, но вскрикнул от боли и опять упал на песок:

– Не могу, больно ногу!

– Перелома, кажется, нет. Полагаю, просто растяжение, но сильное, – заметил граф, отвернув штанину и осторожно осмотрев лодыжку. Его резкие черты смягчились, когда он заметил, как побледнел мальчик. – Тебе лучше не возвращаться домой на Тукки.

– Конечно, Джаджи поедет со мной, – согласился юноша. Граф вопросительно взглянул на него, и выражение лица юноши внезапно стало враждебным. – Прошу вас, саиб, пожалуйста, помогите мальчику взобраться в седло.

Сердитые морщинки залегли у графа в уголках рта, придавая лицу грозное выражение, но Чото Бай продолжал с вызовом смотреть ему в глаза из-под складок алого муслина.

– Маленький наглец, вот ты кто! – проговорил наконец Роксбери по-английски.

– Саиб? – Синие глаза смотрели на него все так же.

– Подведи свою лошадь, – кратко распорядился граф, и в следующее мгновение Джаджи уже надежно сидел на спине мерина.

– Благодарим вас, саиб, – сказал Чото Бай, опять становясь любезным. – Если бы не ваше вмешательство, Джаджи мог серьезно пострадать.

Лицо графа немного смягчилось, он понял, что враждебность юноши была вызвана тревогой за мальчика.

– Я в этом не уверен, но рад, что был полезен вам, – сказал граф, держа лошадь под уздцы и наблюдая, как юноша усаживается в седло и берет в руки поводья.

– Смотри, Чото Бай! – вдруг воскликнул Джаджи, указывая на трех всадников, несущихся к ним вдоль берега реки. – Это Авал Банну?

Чото Бай повернулся в седле и с раздражением сказал:

– Нет, Джаджи, не думаю. Это кто-то другой. Поехали скорей, пока они не добрались сюда.

– Это ваши друзья, саиб? – с интересом спросил Джаджи.

Едва заметная улыбка тронула лицо графа.

– Не совсем, сын мой.

– Не сердись так, Чото Бай, – укоризненно проговорил мальчик, – тебе это не идет. Давай дождемся и встретим их. Тот, который впереди, кажется, сердится. Смотрите, какое у него мрачное лицо! Что с ним, саиб?

– Джаджи, прошу тебя! – предостерегающе произнес Чото Бай. Было заметно, что он уже давно пришпорил бы мерина и ускакал прочь, если бы граф все еще не держал его под уздцы.

– Черт побери, Роксбери! – услышал граф голос капитана Молсона, когда всадники были уже в пределах слышимости. – С какой стати вы воспользовались Боливаром? Вы же знаете, что я хотел въехать на нем в Питор сегодня вечером. Как можно рисковать им в такую жару, и все ради какого-то черномазого щенка?

Юноша-индус чуть не поперхнулся, но полоска муслина, закрывающая его лицо, приглушила звук, а Роксбери ничего не расслышал. Но тем не менее он перестал улыбаться, суровые складки залегли у него вокруг рта, когда капитан Молсон рассерженно остановился перед ним.

– Ничего страшного, Молсон, – негромко сказал он. – Но на вашем месте я бы хорошенько подумал, прежде чем называть местных жителей такими словами. В Индии внешность часто бывает обманчива.

– Ради бога, Роксбери, о чем это вы? – с нескрываемым раздражением отозвался Молсон.

Граф пожал плечами:

– О том, что мы уже менее чем в двенадцати милях от Питора и эти юноши, вполне возможно, из дворца. Я не думаю, что радже понравится, если он узнает, что членов его семьи называют черномазыми.

– Откуда он узнает? – фыркнул капитан, окидывая юношей презрительным взглядом. Однако спеси у него заметно поубавилось, когда он увидел, как богато они одеты и какая дорогая упряжь у лошадей. – В любом случае совершенно очевидно, что ни один из них не понимает ни слова по-английски, – высокомерно добавил он. – Да и потом, с чего это вы взяли, что они из дворца?

– Его сиятельство, возможно, прав, сэр, – нерешительно вмешался один из младших офицеров, указывая на Джаджи. – Это украшение на чалме у мальчика скорее всего означает, что он принадлежит к знатному роду.

– Полагаю, в ваших словах есть доля истины, – снизошел капитан, внимательно разглядывая сверкающий рубин на чалме мальчика. – Перкинс, – добавил он резко, – ваш хиндустани лучше моего. Передайте мальчику – я рад, что он не пострадал, и поехали. Мы и так потеряли много времени, для перехода уже слишком жарко. – Подстегнув лошадь, он направился к лагерю.

– Это еще что такое! – воскликнул Перкинс, когда топот копыт и громкое ржание нарушили тишину, воцарившуюся после отъезда капитана Молсона. Повернув голову на шум, он с изумлением увидел, как резко отпрянул граф Роксбери,

когда юноша-индус неожиданно взмахнул плетью, и ее кожаный конец просвистел в нескольких дюймах от красивого лица графа. В ярости граф схватил юношу за руку:

– Что ты себе позволяешь, дьявольское отродье?!

– Будьте вы прокляты! – Чото Бай наклонился к нему и, к удивлению графа, заговорил по-английски. Синие глаза юноши сверкали гневом, он не замечал, что граф больно сжал ему руку. – Ничего не изменилось, да? Вы по-прежнему называете их цветными и черномазыми, считаете низшей расой! Ради Бога, неужели восстание ничему вас не научило?

Чото Бай резко дернул и освободил руку, порвав рукав. Затем пришпорил мерина и с Джаджи за спиной поскакал прочь.

– Думаю, нам лучше вернуться в лагерь, ваше сиятельство, – осторожно заметил молодой Перкинс, нарушая гнетущее молчание. – Пора отправляться в Питор. Капитан, наверное, уже распорядился.

– Да, пожалуй, – медленно согласился граф. Он развернул Боливара и задумчиво посмотрел вслед удаляющимся юношам. Что-то тревожное появилось у него в глазах.

– Ты зачем хотел ударить высокого плетью? – с любопытством спросил Джаджи, когда они пробирались по усеянной валунами расщелине. Мерин совсем замедлил свой ход, осторожно спускаясь по выжженному склону. Внизу по совершенно плоской золотисто-бурой равнине змейкой вилась дорога на Питор, а вдали в жарком мареве блестели построй-

ки древней столицы Маяра.

– Чтобы отплатить оскорблением за оскорбление, – коротко ответил Чото Бай.

– Ага, значит, тот, со смешной бородой, сказал что-то нехорошее! Я так и подумал! Что он сказал?

– Этого нельзя повторить.

– Это нечестно, Чото Бай! – Джаджи обиженно надул губы. – Только потому, что ты говоришь по-английски лучше, чем я...

– Это было бы не так, если бы ты больше занимался.

– Интересно, зачем эти господа направляются в Маяр? – спросил Джаджи, спеша сменить тему разговора из опасения услышать знакомую нотацию. – Как ты думаешь, они приехали, чтобы подписать мирный договор с Малраджем?

– Впервые слышу о таком договоре. – Чото Бай замер с поводьями в руках.

Мальчик просиял от удовольствия:

– Вот видишь! Значит, и тебе известно не все, что происходит во дворце!

– Только потому, что я не имею привычки подслушивать под дверьми, как некоторые.

– Ладно, ладно, а как еще было узнать, что Малрадж ожидает посланников из Англии? – оправдываясь, сказал мальчик, а затем с разочарованием добавил: – Я надеялся, что их будет больше или хотя бы будет большой военный эскорт. Они не произведут на Малраджа впечатления. Разве что вы-

сокий господин, который остановил Тукки. Он совсем не похож на остальных, правда?

– Не похож, – согласился Чото Бай и нахмурился, вспоминая, как голубые глаза этого высокого господина пробуравили его чуть ли не насквозь.

– Он тебе не понравился, да? – проницательно заметил Джаджи.

– Не понравился, – опять согласился Чото Бай и сжал рукоять плети. Глаза его вдруг холодно сверкнули.

– Ты несправедлив, – проговорил Джаджи. – Вспомни, это ведь тот, со смешной рыжей бородой, вел себя как истеричная старуха.

– Повторяю тебе, они все одинаковые, – нетерпеливо произнес Чото Бай. – Даже саиб, который так прекрасно говорит на хиндустани.

– Hai mai, – отозвался Джаджи, качая головой из стороны в сторону. – Интересно, что все-таки сказал тебе рыжебородый, что ты так обиделся?

– Я уже сказал тебе, этого нельзя повторить.

– Ну, сказал, и нечего так сердиться. – Лицо Джаджи неожиданно просияло. – Как ты думаешь, Малрадж устроит торжественный прием в их честь?

Чото Бай рассмеялся:

– Джаджи, ты засыпал меня вопросами! Я понятия не имею, что намеревается предпринять твой брат! – Он поднял голову, привстал в стременах и показал вдаль. – Смотри! Я

говорил тебе, Авал Банну будет искать нас!

Джаджи заслонил глаза от солнца и нахмурился, когда увидел внизу нескольких всадников, пробирающихся между валунами. В выжженном овраге сейчас было сухо, хотя во время муссонов он превращался в бурный поток, благодаря которому равнина зеленела, и с гор на нее устремлялись стада диких свиней и газелей.

– Ты не скажешь ему, что я взял Тукки, ладно? – озабоченно попросил мальчик.

– А как иначе мы объясним его пропажу?

– Да, ты, наверное, прав, – вздохнул Джаджи. Горячий ветер всколыхнул сухую траву и прошуршал в колючих кустах. Они выехали на дорогу, где Авал Банну со спутниками поджидали их. К радости мальчика, все обошлось. Только лицо старика индуса, который отвечал за жизнь Джаджи с самого рождения, выражало беспокойство.

– Это воистину плохая новость, – промолвил Авал Банну, внимательно выслушав рассказ Чото Бая о том, как все случилось и почему пришлось оставить Тукки. – Раджа будет очень недоволен, мой принц. Вы же знаете, что вам не разрешают ездить одному. Вот когда вырастете...

– У меня все равно за спиной будет целая армия слуг, охранников и нянек! – неожиданно вспыхнул Джаджи, и сразу же проступило поразительное сходство между мальчиком и его старшим братом Малраджем. – Мне никогда не позволяют никуда ходить одному! Всегда кто-то сопровождает,

следит за моим поведением! Я и улизнул-то потихоньку, пока этот жирный глупый евнух Наду дремал у дверей, а то меня сразу же остановили бы. Моим сестрам разрешают все, и Чото Баю тоже! Почему мне ничего нельзя?

– Потому что вы – возможный престолонаследник Маяра, – утешил его Авал Банну, – и пока раджа не выберет себе другую жену, которая родит ему много сильных сыновей...

– Меня будут холить и нежить, будто я не в состоянии позаботиться о себе? – Глаза Джаджи наполнились слезами, и сразу же из капризного, избалованного принца Раджпута он превратился в несчастного маленького мальчика. – Да-да, Авал Банну, я сам слышал, как они говорили это: и Бегум Фариза, кормилица покойного отца, и сестры, все женщины в зенане! Они все думают, что я еще маленький!

– А разве нет? – ласково отозвался белобородый старик. – Только подумайте, что произошло, когда вы отлучились без присмотра. Вы потеряли прекрасного коня, которого вам подарил ваш брат, и если бы тот господин не остановил бешеную скачку вовремя...

– Наверное, нам пора ехать, cha-cha, – быстро вставил Чото Бай, называя старика дядей. – Надо, чтобы принцу Джаджи осмотрели ногу, а я ужасно хочу есть.

Авал Банну хмуро посмотрел на него, но его белая борода тут же как-то странно задергалась.

– Вы, как всегда, правы, дитя. Нельзя требовать от человека отчета в своих поступках на пустой желудок. – Лицо его

смягчилось, когда он заглянул в несчастные глаза Джаджи. – Я пошлю конюха за Тукки, сын мой, и, если только наши гости ничего не расскажут радже, он ничего не узнает.

– Ты очень добр, Авал Банну, – немедленно отозвался Джаджи и перевел дух, поняв, что наказания удалось избежать. К тому времени, когда они добрались до резных городских ворот, он уже восторженно описывал свою встречу с англичанами, красноречиво приукрашая все, что случилось. Чото Бай молча слушал его, с трудом сохраняя серьезное выражение.

Дворец раджей Маяра располагался на вершине обдуваемого со всех сторон плато, возвышаясь над городом Питором. Нижние этажи дворца напоминали хорошо укрепленные крепостные стены, в каждой из которых располагались огромные резные ворота. По бокам от ворот стояли вырезанные из камня фигуры боевых слонов. На стенах красовались бесчисленные башенки и бойницы, оставшиеся еще со времен осады Маяра Великим Моголом. А выше этого навевающего благоговение величия теснились кружевные купола, резные башенки, зубчатые ограждения, придававшие удивительное очарование многочисленным дворцовым дворикам, садам, просторным праздничным залам и личным покоям раджи. Повсюду виднелись храмы и алтари, а внутри хорошо охраняемых Hathi Pol находились хранилища для зерна и воды, которыми пользовались во время осады, и стойла, где размещались боевые слоны и кавалерия раджи.

Однако жизнь правителей Раджпута не всегда занимали столкновения с кланами соперников или войны с мусульманскими завоевателями, поэтому внутренние дворы по замыслу архитектора должны были радовать глаз и напоминать обитателям дворца и о приятных сторонах жизни. Сверкающие покои марданы были отделаны чеканкой по золоту и нежным узором на мраморе и ляписе, а стены и ниши для светильников в праздничном зале изобиловали фресками, зеркалами и фризами из миниатюр ручной работы. Цветы лотоса и другие традиционные символы, в основном павлины и слоны, были вырезаны на ширмах, закрывающих балконы, а за королевской казной в огромном множестве располагались мастерские, где работали резчики, чеканщики и ремесленники, единственной задачей которых было поддерживать бесценную красоту дворца, беречь ее от разрушения.

Принц Джаджи, с самого рождения привыкший ко всей этой захватывающей дух красоте, не обращал ни малейшего внимания на украшающие двор арки из розового мрамора с вырезанными на нем павлинами, под которыми они наконец остановили взмыленных коней. Мысли его были заняты исключительно завтраком, и желудок беспокойно урчал им в ответ.

– Ты скажешь мне, когда Тукки вернется? – спросил он заискивающе у Авал Банну.

– Конечно, мой принц.

Жесткий взгляд Авал Банну смягчился, он с любовью по-

смотрел на младшего сына покойного раджи, пухлого маленького Джаджи, который всегда жил в тени красивого, одаренного старшего брата. Если бы не дружба с Чото Баем, жизнь Джаджи была бы совершенно пуста, потому что после смерти матери мальчику никто не уделял должного внимания, а после кончины отца им и вовсе никто не интересовался. Ласковый взгляд старика индуса не изменился, когда он перевел взгляд на юношу, который в тот миг спешивался.

– Какая удача, что вы увидели, как принц убежал, и у вас хватило разума последовать за ним. Такая преданность должна быть вознаграждена.

– Твои слова – лучшая награда, cha-cha, – с улыбкой ответил Чото Бай, отстегивая конец муслина, закрывающего лицо, и делая большой глоток из фляжки, протянутой ему слугой-водоносом.

– Я прослежу, чтобы придворный врач осмотрел принцу ногу, – добавил Авал Банну, делая знак одному из слуг снять Джаджи с коня. – А вы, дитя, должны отдохнуть, у вас усталый вид.

Чото Бай с радостью повиновался. Пообещав заглянуть к Джаджи, как только уйдет врач, он легко взбежал по широким, гладким ступенькам террасы и помчался через лабиринт роскошных коридоров и прихожих дворца. Оказавшись наконец в своих покоях, он отпустил засуетившихся слуг и плотно сдвинул шелковые портьеры, закрывавшие входную арку. Затем подошел к высокому зеркалу в позолоченной

резной оправе, украшенной фигурками журавлей и лотосов, и снял чалму. Отбросив ее в сторону, он ловким движением вынул из волос заколки, которые держали их так, чтобы можно было надеть чалму. Освободившиеся волосы золотым водопадом упали вниз до самой талии.

Затем Чото Бай со вздохом облегчения развязал шнурок на пыльных штанах и с удовольствием скинул их. За штанами быстро последовали плотный кафтан и расшитая блестками чоли, и вот уже в зеркале отразилась необычайно стройная, загорелая обнаженная фигурка. Вот она с наслаждением потянулась, чтобы размять затекшее от скачки тело, и там, где еще мгновение назад красивый юноша любовался в зеркале, сейчас стояла девушка удивительной красоты, с безупречной фигурой, небольшой упругой грудью, длинными стройными ногами. Пронзительно синие глаза, которые привлекли внимание графа Роксбери, волнующе смотрелись на чуть заостренном, с тонкими чертами лице. У девушки были прямой нос и пухлые, не очень большие губы, которые растянулись в улыбке, когда она заколола волосы кверху черепаховым гребнем и скользнула в приготовленную ванну.

Вода с ароматом розовых лепестков плескалась о тело Иден Гамильтон, и она чувствовала, как пот и грязь утренней скачки сходят с нее. В комнате было блаженно тихо, лишь шуршали шелковые портьеры да ворковали голуби на крыше. Издалека через открытые окна доносились приглушен-

ные женские голоса, капризное хныканье ребенка, да слышно было, как далеко на кухне привычно стучат горшки и сковороды. Это были настолько родные и успокаивающие звуки, что Иден едва не уснула под их монотонное однообразие, когда ласковая вода окончательно расслабила ее уставшее тело.

Авал Банну говорил, что у нее усталый вид и ей необходимо отдохнуть, но, когда Иден сквозь дрему вспомнила его слова, сон сняло как рукой. Вода тонкими ручейками устремилась вниз по ложбинке между холмиками грудей; она быстро вышла из ванны и потянулась за мягким полотенцем.

Отдыхать, когда англичане уже в Маяре? Ни за что! Она опустилась на колени перед инкрустированным сундучком и стала перебирать его содержимое. Здесь вперемежку с надушенными полосками ткани лежали всевозможных расцветок расшитые сари. Несколько слуг снаружи ожидали знака помочь ей одеться, но Иден не стала прибегать к их помощи. Завернувшись в сари кремового цвета, она прошла через арку, выложенную зеркальной плиткой в серебряной и лазурной оправе, в сад, примыкающий к ее покоям. Воздух здесь был напоен ароматом цветов и наполнен жужжанием бесчисленных пчел. Легкий ветерок играл в пальмовых листьях и ронял душистые лепестки с цветущих апельсиновых деревьев. Однако сегодня Иден не замечала этой красоты, и, когда она остановилась в тени густого дерева, на ее прелестном лбу появилась сердитая морщинка.

Она знала, что рано или поздно британское правительство обязательно пришлет официального представителя в Маяр, и все же не ожидала, что это случится так скоро. Старый раджа сохранял верность англичанам на протяжении всего восстания. Кроме того, было много других, более беспокойных штатов, где после подавления восстания надо было наводить порядок. Возможно, крошечное маярское королевство еще долго оставалось бы без внимания со стороны англичан, если бы наследный принц Малрадж не начал после прихода к власти открыто критиковать насаждаемые британцами порядки. Иден подозревала, что его недовольство стало известно политическому департаменту в Калькутте, и государственного секретаря насторожило, что с Маяром до сих пор не подписан мирный договор. Вот он и поспешил исправить очевидное упущение.

«Именно поспешил», – с неодобрением подумала Иден. Она ясно видела, что люди, составляющие британскую депутацию, выбраны наспех. Иден была убеждена, что Малрадж никогда не согласится подписать договор с таким недалеким и неучтивым офицером, которого они с Джаджи встретили сегодня утром. Что же касается надменного темноволосого господина, которого она едва не ударила плетью...

Грустная улыбка тронула ее лицо. Вообще-то она не желала его ударить, особенно после того, как он остановил коня Джаджи и осадил капитана по фамилии Молсон за употребление бранных слов. Но тогда он оказался к ней ближе

всех, а в его манерах сквозило такое, что сразу вызвало у нее обиду. И еще она была убеждена, что, несмотря на его доброту по отношению к Джаджи, он ничем не отличается от других равнодушных иноземцев, искателей сокровищ, которые ордой хлынули в Индию, как только был смещен глава Ост-Индской торговой компании.

– Не иноземцы, – поправила себя Иден, вслух разговаривая на родном языке, от которого она совсем отвыкла за прошедшие три года, – англичане. Они англичане, Иден, и они уже здесь – в Маяре. Что ты теперь будешь делать?

«А ничего», – решила она, с вызовом вскидывая подбородок. Она не собиралась раскрывать этому отвратительному Молсону или высокому господину, кто она. Здесь, во дворце раджи, она в безопасности, и, если одному из них вздумается расспрашивать о юноше, который так свободно говорил с ними на их родном языке, Иден была уверена, что ни сам Малрадж, ни его министры не станут посвящать их.

Иден вернулась к себе, увидела свое отражение в зеркале и невольно улыбнулась. Если бы не синие глаза, которые, впрочем, могли бы принадлежать горянке или метиске, да золотисто-медная прядь волос, выглядывающая из-под расшитого края сари, прикрывающего голову, она вполне могла бы сойти за индианку. Палящее южное солнце покрыло темным загаром ее кожу, а бесконечные наставления Бегум Фаризы о том, как подобает держать себя и как говорить, совершенно преобразили ее: из долговязого, неуклюжего ан-

глийского подростка она превратилась в прелестную молодую индианку.

Вдруг лицо Иден стало серьезным. Нет, подумала она со вздохом, она не индианка и не притязает на родство с покойным правителем Маяра или принцами и принцессами, с их многочисленными женами, дядьями и тетками, кузинами и кузенами, слугами, рабами, танцовщицами и наложницами, которые составляют его огромную и пеструю семью.

И все же она прожила с ними почти четыре года как своя. Покойный раджа любил и баловал ее, его жены терпели, а все остальные относились к ней, как к брату Джаджи. Именно он дал ей имя Чото Бай, когда она прибыла в Питор в чалме и огромных шароварах, похожая как две капли воды на местного мальчишку.

Скорее всего никто из них уже и не вспоминал, что, когда более трех лет назад солдаты раджи привезли ее в Маяр, она была всего лишь маленьким напуганным ребенком-чужестранцем. Да и сама Иден уже не вспоминала об этом, потому что последующие годы она говорила, думала и мечтала только на хиндустани, деятельно участвовала в бурной жизни зенаны, женской половины дворца. Она овладела искусством изготовления духов и ароматических масел, научилась готовить карри, который составлял основу индийской кухни, вышивать – она украшала вышивкой все свои сари. Ее попеременно ругали, хвалили и любили младшая жена покойного раджи и Бегум Фариза, его кормилица и управительница

зенаны. Они сразу же взяли Иден под свое крыло и обращались с ней, как с любой другой девушкой во дворце.

«На протяжении всего времени ко мне относились так, будто я родилась в этой семье», – подумала Иден с глубокой благодарностью. Даже сестры раджи уступали ей в образовании, но никто во дворце ни разу ни словом, ни жестом не дал ей понять, что она отличается от них, за исключением вопроса, касающегося purdah. Все обитатели женской половины, включая мужественную кормилицу и многочисленных жен, жили по обычаю в строгой изоляции, денно и нощно охраняемые армией евнухов, вооруженных ножами и ружьями. Женщины во дворце не могли общаться или разговаривать с незнакомцами, не должны были показывать им свое лицо. Сделать это – означало опозорить себя на всю жизнь.

Иден тоже приучили свято соблюдать требования purdah, но в отличие от остальных женщин во дворце она могла в любое время свободно общаться с покойным раджой и его сыновьями или проводить время в обществе Авал Банну в мардане, мужской половине, слушая, как бульканье его кальяна наполняет тишину ночи. Иден даже охотилась с Малраджем и его слугами, переодеваясь в мужское платье и укрывая голову чалмой. А с Джаджи они в его покоях часто по вечерам играли в shatranj.

Да, превращаясь в Чото Бая, Иден наслаждалась свободой и возможностями, о которых никогда и не мечтала. Здесь она росла счастливой, и нетрудно понять, почему прибытие

британской делегации вызвало в ней такую тревогу и опасения. Одно присутствие этих людей напоминало ей отдаленные раскаты грома перед началом мусонных дождей. Но если начало дождей всегда было желанно, то присутствие иноземцев, казалось, наполняет воздух обещанием зловещих перемен.

– Be-wakufi! Полная чушь! – сказала она вслух и рассмеялась, потому что думала в точности как Дунна Джин, дворцовый астролог и великий знаток старинных книг, который вечно предсказывал совершенно невероятные ужасы. Конечно, не очень приятно сознавать, что британский представитель наконец-то добрался до Маяра, но это ведь не означает, что над жизнью, к которой она успела привыкнуть, нависла какая-то угроза.

Скользнув ножками в расшитые туфельки, стоявшие у двери, Иден вышла из комнаты и направилась к женщинам, которые собрались в расписном дворике на завтрак. Она слушала их беззаботную болтовню, смех, похожий на нежный звон колокольчика, и погружалась в их мир – мир, который давно стал ей родным. Она выбросила из головы воспоминания о неприятной встрече и уже через минуту забыла о ней.

Глава 3

За исключением младшей жены и Бегум Фаризы никто в зенане, женской половине дворца, никогда раньше не видел англичан. Ничего удивительного, что известие о предстоящем официальном визите более дюжины иноземцев вызвало во дворце заметный переполох и бесконечные обсуждения ожидаемых гостей. Женщины гадали, как они выглядят, держатся, доходило даже до обсуждения их мужских достоинств. Иден, как лучшему знатоку иноземцев, задавали бесчисленные вопросы, она была рада, что в зенане еще не знают об их с Джаджи утреннем приключении. Иначе у нее не осталось бы ни секунды покоя.

Иден не скрывала, что иноземцы тоже ее очень интересуют, и приходила в отчаяние оттого, что ей не разрешают принимать участие в многочисленных празднествах в честь их прибытия. Только младшей жене, последней из оставшихся в живых жен покойного раджи, и двум ее дочерям разрешили присутствовать всего лишь на одном празднике – коротком официальном приеме, который устроили вечером в день прибытия англичан в Маяр. С плотными накидками на головах они расселись за ширмой, отделяющей их от остальных, и почти не видели гостей. Позже сестры раджи не смогли рассказать ничего вразумительного. Ни их туманные описания, ни слухи, ходившие во дворце, так ничего и не прояс-

нили.

– Наверное, мы о них так ничего и не узнаем, – горько вздохнула Аммита, танцовщица с темными миндалевидными глазами. Она была любимой танцовщицей раджи и потому свободно общалась с женщинами, занимающими более высокое положение во дворце. Сидя в комнате у Иден на подушке с кисточками и скрестив под собой стройные ноги, Аммита не спеша ела jellabies с медного блюда, которое держала в руках. Она пребывала в полном отчаянии оттого, что ее не пригласили танцевать для иноземных гостей. В свои шестнадцать лет девушка была тонка, как тростинка, и прекрасна, как мечта. Ее положение во дворце могло бы вызвать ревность многих, кто пользовался меньшим вниманием раджи, не будь она по натуре добрейшим существом, сумевшим завоевать всеобщую любовь и стать близким другом Иден.

– Через два дня они покинут дворец, а мы их так и не увидим, – горько сокрушалась Аммита.

– Кроме того, который останется, – напомнила Иден. – Его назначат kotwal, главой штата. Англичане называют его «резидентом».

– Подумаешь! – отозвалась Аммита и презрительно наморщила носик. – Мне нет дела до того, хочет он стать главой штата вместо Малраджа или нет. Говорят, он зануда и к тому же нездоров, а на хиндустани говорит просто ужасно. Кому он нужен такой? – Она оперлась подбородком на

руку и задумчиво добавила: – Вот эскорт мне бы хотелось увидеть. Говорят, военные въезжали в город в ярко-красных мундирах и сабли звенели у них на боку.

Хотя никто из женщин во дворце не видел этого, Малрадж накануне выслал навстречу британской делегации процессию празднично убранных коней и слонов под командованием главы своего совета – дивана Пратапа Рао, чтобы сопроводить гостей во дворец. Толпы горожан собрались на улицах поприветствовать англичан, а Иден с Аммитой спрятались за шторкой на самом верхнем балконе Башни Ветров, чтобы посмотреть на процессию. К большому разочарованию девушек, увидеть им удалось совсем немного. Городские дома лепились друг к другу слишком плотно, закрывая обзор. Они поняли только по крикам толпы, что процессия прошла мимо них внизу.

– Кто знает, возможно, тебя могут пригласить танцевать во время tamarsha, – утешила Иден Аммиту, имея в виду праздник, который должен был состояться следующим вечером. – Тогда уж ты их обязательно увидишь.

Аммита с сомнением посмотрела на нее:

– Малрадж стал совершенно невыносим с тех пор, как они приехали. По-моему, он вообще не хочет показывать меня гостям. – Ее подведенные сурьмой глаза смотрели на Иден с нескрываемым любопытством. – А ты? Ты вроде бы и не хочешь увидеть их, а ведь они твоей крови.

Иден быстро наклонила голову над чашей, где она поме-

шивала хну. Душистый запах сандалового дерева наполнял комнату, становилось темно – зажгли масляные лампы. Голова Иден была неприкрыта, и, если бы на ее лицо не падала тень, Аммита увидела бы слабый румянец, выступивший у девушки на щеках.

– У меня нет особого желания видеть их, – ответила Иден, пожав плечами. – Они наверняка толстые и не умеют вести себя или молодые и нетерпеливые, как все иноземцы.

– Что ж, возможно, ты права, – со смехом согласилась Аммита и потеряла всякий интерес к теме. Она откинулась на подушке и жестом призвала одного из слуг начать сложную работу по росписи ее ладоней и подошв хной.

Эта работа обычно занимала много времени, и Иден вдруг охватило беспокойство. Она до конца так и не привыкла к размеренной, заполненной ничегонеделанием жизни в женской половине дворца. Временами ее переполняло сочувствие к тем обитательницам зенаны, придворным дамам и служанкам, которые в силу своего низкого положения не имели права выходить за пределы гарема. Даже непоседливой Аммите приходилось проводить все дни, прогуливаясь в садах зенаны, балуясь сладостями и бесконечно сплетничая о знатных обитательницах верхней части гарема, умащивая себя душистыми маслами и разукрашивая хной, чтобы выглядеть еще прекрасней в глазах раджи.

Такое вынужденное безделье никогда не привлекало Иден, а сейчас раздражало еще больше. Покрыв голову, она

под каким-то предлогом вышла из комнаты. Хотя солнце уже давно село, изнуряющая жара еще не спала. Сквозь тонкие подошвы туфелек Иден чувствовала жар, исходящий от раскаленных за день камней. Было слишком душно сидеть и смотреть, как женщины во дворе играют в chaupar, да к тому же она не испытывала ни малейшего желания слушать их ленивую болтовню. Она предпочитала уединение садов марданы, зная, что в этот вечерний час раджа и его двор заняты приемом гостей.

Старики евнухи у ворот хорошо знали ее привычку бродить в одиночестве и позволяли проходить на мужскую половину, когда ей вздумается. Во дворе марданы действительно было намного прохладнее. Он все время продувался ветерком, потому что в отличие от женской половины не был закрыт со всех сторон ширмами, чтобы ни один случайный взгляд не упал на женские лица. Ветерок пронесся над прудом, заросшим водяными лилиями. Воздух был напоен не запахом курящихся благовоний, а пьянящим ароматом цветов и жасмина, которым поросли все аллеи, к счастью, оказавшиеся пустынными.

Наслаждаясь умиротворяющей тишиной, Иден задержалась в просторной прохладной беседке с куполообразной крышей. Она смотрела на сияющие звезды и их отражение на зеркальной поверхности искусственного пруда. Откуда-то издали, из древнего храма какой-то деревушки, донесся звук большой морской раковины; павлин резким криком призы-

вал свою подругу; журчание фонтанов заглушало мерный шум зенаны и ночной гул городской жизни. Светлячки летали в листве фиников и вишневых деревьев, расцвечивая темноту точечками света. Иден понаблюдала за ними недолго и вспомнила восторженные крики маленького Джаджи, когда они собирали светлячков в хрустальный флакон из-под духов в ее первое лето во дворце. Она с грустью подумала, что Джаджи считает себя уже слишком взрослым для подобных развлечений.

«А вдруг, – воспрянула духом Иден, – Малрадж удостоит своего младшего брата чести, разрешив присутствовать вечером на приеме?» Она озорно улыбнулась, представив, как Джаджи гордо восседает рядом с раджой, одетый в длинную, до колен, чогу из золотой парчи с воротом, украшенным драгоценными каменьями. Она рассмеялась вслух, представив выражение лица отвратительного капитана Молсона, когда он увидит молодого принца, того самого мальчика-индуса, которого бездушно обзывал бранными словами всего два дня назад...

Вдруг Иден почувствовала, что dupatta, головная накидка, прикрывающая голову, слегка натянулась. Девушка обернулась и досадливо поморщилась: свободный конец накидки зацепился за колючку. Она нагнулась и осторожно, чтобы не уколоть пальцы и не порвать нежный шелк, отцепила ее. Потом выпрямилась и вдруг замерла, улыбка так и застыла у нее на лице. В дальнем конце беседки появились двое мужчин.

Одного из них Иден узнала сразу по мерцающей в темноте подвеске на дорогой чалме. Это был Лала Даял, дядя Малраджа. Другого Иден не знала. На миг ей показалось, что ее заметили, потому что она увидела, как незнакомец посмотрел в ее сторону, потом быстро подошел к Лала Даялу и предупреждающе сжал его руку.

Учащенно дыша и прижав руку к горлу, Иден быстро шагнула за колонну. Она поняла, что встреча не предназначена для чужих ушей и глаз. Иден была твердо уверена, что только крайние обстоятельства, никак не меньше заговора, заставили бы Лала Даяла покинуть прием в компании иноземца. И хотя девушка в темноте не видела лица незнакомца, она была уверена, что спутник Лала Даяла – англичанин.

По счастью, ее, кажется, не заметили, поскольку Иден разглядела, как иноземец повернулся к Лала Даялу и тихо заговорил на свободном хиндустани. Он говорил спокойно, не спеша. И все же у Иден судорожно перехватило дыхание при первых звуках его голоса, который оказался до боли знакомым. Боже правый, да ведь это тот самый господин, с которым она встретилась утром того дня у реки! Нет, не может быть, она ошибается...

Иден боялась дышать, изо всех сил вслушиваясь в разговор, но слов разобрать так и не могла. Она понимала, что ей ни в коем случае нельзя обнаружить свое присутствие. Особенно если есть хоть малейшая вероятность, что встреча, невольным свидетелем которой она оказалась, очень важна.

И потом Лала Даял прогневается, если узнает, что она была в ночь праздника на мужской половине. Это было категорически запрещено.

У Иден затекли ноги, пока она неподвижно стояла в тени. Она пришла в отчаяние от мысли, что разговор может затянуться неизвестно насколько. Прошло еще довольно много времени, когда она наконец услышала, что собеседники вежливо прощаются. Девушка радостно вздохнула полной грудью и поблагодарила небо, что все обошлось.

Выждав еще минуту, чтобы убедиться, что она осталась одна, Иден осторожно выглянула из-за колонны. К неописуемому ужасу, она увидела, что гость все еще в беседке. Он стоял, прислонившись к скульптуре боевого слона, будто отдыхая или, наоборот, наблюдая за чем-то. Иден подняла голову и посмотрела ему в лицо. И вдруг сердце ее остановилось – иноземец смотрел ей прямо в глаза...

– Можете выйти, – вежливо сказал он на хиндустани.

На мгновение Иден охватила паника, ей захотелось убежать, но воспоминание о том, как его цепкие пальцы сжали ей руку, остановило девушку. Вместо того чтобы бежать, она вздохнула поглубже, стараясь успокоиться. Подняв голову – в конце концов ей нечего скрывать, – она храбро шагнула ему навстречу.

Хью Александр Гордон, десятый граф Роксбери, с нескрываемым раздражением разглядывал лицо под тончайшим покрывалом, лицо, которое спокойно смотрело на него.

Он знал о ее присутствии с самого начала. Они только еще входили в беседку, когда он заметил, как метнулась за колонну стройная фигурка, обтянутая сари. Решив, что она оказалась в беседке случайно, он не стал выдавать ее присутствие Лала Даялу, чтобы не ставить в неловкое положение никого из них из-за того, что женщина случайно нарушила закон purdah. Но потом понял, что ни одна женщина во дворце не решилась бы проникнуть в мардану даже в ночь, когда вся мужская половина собралась на приеме в честь английской делегации, и решил, что ее поведение заслуживает более пристального внимания с его стороны.

Когда Иден подошла к нему, в лунном свете он разглядел тончайшую вышивку на ее накидке и очень удивился, поняв, что перед ним знатная дама, а не одна из служанок зенаны. Хью Гордон нахмурился. Он хорошо знал, что женщины из многих знатных семей Индии, не покидая пределы своих дворцов, принимают самое деятельное участие в заговорах против поработителей. Вполне возможно, и эта дама сознательно нарушила закон purdah и просто-напросто шпионит за ним.

– Госпожа, вы весьма удалились от ворот зенаны, – заметил он с иронией, когда она остановилась перед ним. Внимательно рассмотрев ее, граф понял, что первоначальное впечатление не обмануло его. Богатство и изысканность ее наряда свидетельствовали о том, что перед ним очень знатная дама. Ее голову покрывала накидка из тончайшего шелково-

го полотна нежно-кораллового цвета с серебряной каймой, шелковые шаровары, облегающие стройные ноги, переливались в лунном свете серо-голубыми полосками. Женщина была достаточно высока и доходила ему до подбородка. Ее глаза бесстрашно смотрели на графа сквозь воздушную вуаль.

Бесстрашно... Морщинка на лбу у него стала глубже, когда он понял, что женщина не испытывает той робости от встречи с ним, которой можно было бы ожидать от обитательницы строго охраняемой зенаны. И на лбу у нее нет кастовой отметки, а глаза, хотя большие и красивые, как у раджпутской принцессы, глубокого, прозрачного синего цвета.

Он решительно сжал губы, без предупреждения схватил ее за руку и с силой дернул к себе. От неожиданного рывка голова Иден запрокинулась назад, накидка соскользнула, обнажив заостренное личико, которое он, несомненно, видел раньше.

– Вы?! – воскликнул граф.

Синие глаза смотрели на него твердо, хотя руке было очень больно.

– Господин?

– Нечего смотреть на меня невинными глазами! – с досадой произнес граф по-английски. – Я знаю, кто вы. Вы – Чото Бай.

У Иден расширились глаза, и совершенно неожиданно для себя Хью Гордон подумал, что девушка сказочно хоро-

ша, он не видел в жизни ничего подобного цвету ее глаз в лунном свете. Она была стройна и тонка, с пухлыми чувственными губами. И если для юноши Чото Бая ее лицо казалось слишком нежным, то для молодой женщины оно было поразительно красиво. Однако в упрямом выражении ее лица не было ничего беспомощного или слабого. Граф еще сильнее сжал ей руку.

– Сэр, пожалуйста, отпустите мою руку, – произнесла Иден с завидным спокойствием, хотя на самом деле его появление весьма смутило ее. Иден была уверена, что при первой встрече он не был таким высоким и худым, или она просто не успела его рассмотреть? Конечно, тогда она была озабочена состоянием Джаджи, но как же она не заметила, что он такой... большой и красивый. «Красивый, как тигр перед прыжком», – подумала Иден безжалостно.

– И не подумаю, пока вы не скажете, кто вы, – резко ответил граф.

– Да, я действительно Чото Бай, – призналась Иден, не видя смысла скрывать правду, – но это не дает вам права...

– Бог мой, – прервал ее граф, – значит, я был прав! Вы шотландка, так ведь? Пока вы говорили на хиндустани, я не был уверен. Будьте добры, объясните, какого черта вы здесь делаете?

– Не вижу, каким образом это касается вас, – холодно ответила Иден.

– Нет? А мне кажется, самым непосредственным образом.

Любому, кого застали бы здесь, как вас, за подслушиванием переговоров между британским представителем и дядей раджи Маяра, пришлось бы долго объясняться.

Прелестный подбородок взлетел вверх, граф уже начал привыкать к этому жесту.

– Вам прекрасно известно, что я не расслышала ни слова из вашего разговора, и не моя вина, что вы выбрали для встречи именно это место.

Этот ответ вызвал у Хью невольное восхищение. Он знал, что любой другой на ее месте, услышав подобные обвинения, начал бы многословно изображать оскорбленное достоинство. Синие глаза смотрели на него по-прежнему холодно, и граф с удивлением обнаружил, что не может оторвать взгляд от слегка приоткрытых пухлых губ девушки. Она была воистину красавицей. Ее нежное лицо говорило о неразбуженной страстности, и граф не понимал, о чем она говорит.

Жаркая ночь была напоена ароматом множества цветов, и Иден, глядя в лицо англичанина, вдруг ощутила неожиданный и безотчетный страх. Сердце ее бешено забилось. Пальцы Хью, сжимающие ее руку, почувствовали это, и девушку охватила паника – бежать, надо бежать!

Но она успокоилась, подняла голову и, глядя через плечо графа, с облегчением воскликнула:

– Как я рада, что ты пришел, Динна Ганд!

Граф вопросительно повернулся, но, прежде чем его ищу-

щий взгляд подтвердил, что в беседке никого нет, девушка успела высвободить руку. Миг спустя он уже слышал звук легких бегущих ног и тихое эхо смеха, которое привело его в ярость.

Малрадж Пратап Гасварад, раджа Маяра, сидел на сказочно роскошном троне под шелковым пологом в небольшом зале для аудиенций, примыкающем к залу для приемов. Подушки из голубого бархата, на которых он полулежал, были расшиты драгоценными камнями, а каждый угол ковра под подушками прижимали к полу бутоны лотоса, вырезанные из слоновой кости. Столь же блистателен был и сам раджпутский правитель в длинном, почти до пят, кафтане из сочно-розовой тафты, переливающейся оранжевым и голубым, в широком поясе, расшитом жемчугом, в туфлях и головном уборе, украшенных изумрудами.

Остальные члены дворца сидели на подушках по всему расписному залу. Британская делегация разместилась на стульях, которые специально принесли в знак особого почтения. Слуги разносили на серебряных подносах обильные угощения, но ни раджа, ни его придворные не касались еды, поскольку принятие пищи в присутствии людей, не принадлежащих ни к одной касте, осквернило бы индусов.

Темными, зоркими как у орла глазами молодой раджа задумчиво изучал гостей. Ламбертон в качестве постоянного британского представителя разочаровал его. Раджу раздражало, что слово этого маленького человечка значит для пра-

вителей Британии больше, чем его собственное. Разве он не раджпутский принц, чьи предки правили Раджастаном, землей принцев, на протяжении двух тысяч лет? И разве все Раджпуты не происходят от самого солнца? А у Ламбертона в предках одни простые смертные.

И все же стоит Ламбертон-саибу придраться к какой-нибудь мелочи или шепнуть на ушко саибам в Калькутте, как Малрадж Пратап Гасварад, раджа Маяра, быстренько отправится в ссылку. Hai mai! Вот уж поистине достойный конец для раджпутского принца! Может, все-таки стоит прислушаться к доводам своего премьер-министра и перестать высказывать недовольство британским порабощением Индии? Малрадж помрачнел и погладил еще по-юношески редкую бороду. Сможет ли он смириться? Он не любил англичан так же сильно, насколько его отец был привязан к ним. Гордость не позволяла Малраджу открыто искать одобрения британцев, подобно тому, как это делали правители других штатов. «Hai mai! – подумал он вновь. – Как жаль, что великое восстание было подавлено и не удалось изгнать англичан из Индии навсегда!»

Несмотря на невеселые размышления раджи, в зале царило праздничное оживление. Все вопросы успешно разрешили, и теперь гости с нетерпением ожидали появления Аммиты, лучшей танцовщицы раджи, которая должна была исполнить гипнотический танец катхак. Члены британской делегации сидели на стульях, отделанных серебряными барелье-

фами, и обменивались вежливыми замечаниями в ожидании выступления. Случилось так, что Пратап Рао, диван Маяра и старший дядя раджи, разговорился с графом Роксбери.

Граф вернулся в зал весьма возбужденным. Разозлившись, что женщина по имени Чото Бай опять ускользнула от него, он провел остаток праздника, теша себя представлением, как откручивает ее тонкую шейку своими сильными руками. Он не забыл оскорбления, которое она нанесла ему, пытаясь ударить плетью, и еще его беспокоило то, что она стала свидетелем его разговора с Лала Даялом. Надо выяснить, кто она. Из встреч с ней у графа сложилось впечатление, что девушка отважна, обладает острым умом и, следовательно, может стать источником неприятностей. Ему также показалось довольно странным, что молодой женщине-шотландке позволено свободно бродить по всему дворцу, да еще в мужском платье. «Здесь наверняка кроется какая-то тайна. – Граф задумался и нахмурился. – У кого бы выведать подробности о девушке?»

– Беглость, с которой вы говорите на нашем языке, достойна восхищения, саиб, – любезно произнес Пратап Рао. – Вы, должно быть, прожили в Индии немалое время?

Голубые глаза графа заметно потеплели.

– Двенадцать лет жизни, Рао-саиб, правда, не подряд. Я много раз ездил в Индию и обратно в Belait и сейчас вернулся сюда впервые после восстания.

– Да-да. – Лицо пожилого индуса не дрогнуло при упоми-

нании горького события. Он, как и его покойный брат, присягнул на верность британцам. – Вы сейчас живете в Belait, саиб?

Граф едва заметно улыбнулся:

– Последние пять лет – да. Я вступил в права наследства после смерти моего дяди по материнской линии. Наследство немалое и требует много внимания. Пришлось остаться в Англии.

– Позвольте полюбопытствовать: те годы, что вы провели в Индии, вы служили в Компании? – Голос индуса звучал слишком спокойно, но по тому, как гневно сверкнули глаза старика, стало ясно, что хотя официально Пратап Рао – союзник британцев, он до конца так и не смог побороть своего предубеждения против махинаций Ост-Индской компании.

– Вообще-то я входил в состав совета директоров конкурирующей компании, – с почтением ответил граф. – Возможно, вы слышали о ней. До ликвидации она называлась «Гордон и Блэр, Калькутта и Дели».

Старик мгновенно преобразился.

– Конечно, я слышал об этой компании, – тепло проговорил он. – Вы назвали ее, и я вспомнил: мой брат Лала Даял говорил мне, что один саиб из сопровождения нового резидента знаком ему. Очевидно, он имел в виду вас. Как я понял, он познакомился с вами много лет назад во дворце Бахадор-Шаха. – Негромкий шум голосов из-за занавески привлек внимание старика, и он с улыбкой добавил: – Кажется,

танцовщица готова к выходу. Вы получите большое удовольствие.

– Не сомневаюсь, – отозвался граф. Вежливо отказавшись от приготовленного для жевания листа бетеля, он удобно откинулся на спинку стула и стал наблюдать, как Пратап Рао угощается этим возбуждающим средством из украшенной драгоценными камнями шкатулки.

Звон браслетов на ногах танцовщицы возвестил о ее выходе, но внимание графа было направлено в другую сторону. Краем глаза он заметил, как где-то наверху блеснуло золото. Граф поднял голову и увидел, как три темные женские фигуры вошли на галерею, опоясывающую сводчатый зал по всей длине, и бесшумно уселись за резной перегородкой. Одна из женщин была в сари из черного шелка, изысканная золотая вышивка на нем блеснула и привлекла внимание графа. Губы у него скривились, когда он разглядел гордо вскинутую голову. Прежде чем она успела скрыться за перегородкой, граф безошибочно понял, кто это.

– Странно, кажется, дамы в Маяре соблюдают законы purdah не так строго, как в остальной Индии, – заметил он как бы между прочим.

Пратап Рао устремил зоркий взгляд на перегородку, за которой скрылись женщины, покачал головой и усмехнулся:

– Это не должно удивлять вас, саиб. До вторжения Великих Моголов в Раджастане не знали этого закона, да и после он приживался очень медленно. Маяр оказался под пятой

императора Акбара только в конце шестнадцатого века. Возможно, именно поэтому здесь никогда не было сильно мусульманское влияние. Подтверждение этому не только в том, что законы purdah наши женщины соблюдают не так строго, как мусульманки, но и в нашей архитектуре, в наших традициях и обычаях, в нашем языке.

– Понимаю. Означает ли это, что знатные дамы могут свободно разгуливать по дворцу? – с интересом осведомился граф.

– Не так свободно, как бы им хотелось, – улыбнулся Пратап Рао. – Младшей жене раджи, к примеру, разрешается покидать пределы зенаны, когда она того пожелает. Мои племянницы, сестры раджи, также принимают участие во всех религиозных шествиях. С другой стороны, Бегум Фариза, кормилица покойного раджи и единственная магометанка во дворце, свято соблюдает purdah. Я сам видел ее лицо всего три раза, а знаю ее уже сорок лет.

– Я слышал о женщине по имени Чото Бай, – проговорил граф, притворяясь, что его очень заинтересовало появление танцовщицы Аммиты в роскошных госсамерских шелках, перед которой девушки в воздушных одеяниях усыпали пол лепестками роз.

– Как же, как же, Чото Бай. – Пратап Рао отозвался о девушке настолько тепло, что сразу стало ясно, как он привязан к ней. – Она – радость наших сердец. Хорошо, что вы заговорили о ней, саиб. Не вижу причин, почему бы не пред-

ставить ее вам после выступления Аммиты. Она ведь англичанка, как и вы. Не сомневаюсь, она будет счастлива познакомиться с вами.

– Почту за честь, – невозмутимо ответил граф.

Пратап Рао сдержал слово. Когда праздник закончился, он послал слугу известить женщин, охраняющих вход на галерею, что их хозяек ждут внизу. Ждать пришлось довольно долго, пока не опустела зала. Остались только раджа со слугами да скучающие и зевающие англичане, которых задержал Пратап Рао.

Граф не ожидал, что ждать придется так долго. Было уже далеко за полночь, а раджа призвал его к себе в тот день еще до рассвета. Он не только устал, но и с нетерпением предвкушал несколько часов одиночества после шумного праздника, устроенного раджой в честь прибытия британского представителя.

Но в то мгновение, когда он увидел, как гневно сверкнули глаза Чото Бая из-под накидки, когда она вместе с младшей женой и сестрой Баджи Кришной Дай вошла в залу, он решил, что не стоит жалеть об упущенном отдыхе. Он низко поклонился, когда Пратап Рао представил их друг другу, и, выждав, пока его спутники не обратили восхищенные взгляды на хихикающих принцесс, как бы случайно заговорил с девушкой.

– Для меня большая честь познакомиться с вами наконец, госпожа, – обратился он к ней на хиндустани, насмешливо

улыбаясь. – Нам давно пора познакомиться официально.

Накидка окутывала голову Иден, но ее удивительные глаза были хорошо видны сквозь тончайшее шелковое полотно. Синие, с красивым разрезом, они смотрели на графа с холодным вызовом, хотя голос ее звучал вежливо:

– Действительно. Я счастлива, что Рао-саиб оказал нам эту честь.

– Да, он сделал это в высшей степени официально, хотя не совсем точно, – любезно отозвался граф. – Мне хорошо известно, что вас зовут не Чото Бай. – Он увидел, как девушка быстро отвернулась, и перешел на английский. Глаза его с насмешкой смотрели на нее. – Я – Хью Гордон, граф Роксбери, а вы, госпожа, шотландка, и вас окружает какая-то тайна. Полагаю, Рао-саиб очень хорошо к вам относится, потому что я – единственный, кому он рассказал, что вы родились за пределами дворца.

Иден вскинула голову, золотые нити ее накидки блеснули, отражая огонь свечей.

– Чем вызвано такое настойчивое любопытство, ваше сиятельство? – жестко поинтересовалась она.

– Не часто в моей жизни случалось, чтобы женщина дважды одерживала надо мной верх, особенно шотландского происхождения, живущая как принцесса во дворце раджпутского правителя, – резко ответил граф. И опять заметил вспышку гнева в пронзительно синих глазах под накидкой.

– Я не имею ни малейшего намерения раздувать искры ин-

триги, ваше сиятельство. Моя история очень проста и, несомненно, далеко не единственная в своем роде. – Она вскинула голову. – Если вам так необходимо знать, – но тон ее говорил, что она сама так не считает, – мое девичье имя – Иден Гамильтон. Мой отец, полковник Дугал Гамильтон, командовал Четырнадцатым Бенгальским пехотным полком, расквартированным в Лакнау. Он и погиб там в пятьдесят седьмом, защищая свой дом. Покойный раджа привез меня в Питор. Он дал слово моему отцу, что позаботится обо мне в случае, если сипаи восстанут. Раджа рисковал своей жизнью и безопасностью своих близких, чтобы сдержать это слово. Вы довольны, этого достаточно?

– Но как вашему отцу удалось получить от раджи такое обещание? – осведомился граф, пропуская насмешку мимо ушей.

– Мой отец провел несколько лет в Питоре, помогал радже привести в порядок его армию. Это было еще до того, как он встретил маму. – Иден не скрывала, что разговор ей неприятен. – В то время эта армия состояла из едва обученных солдат с древними ржавыми ружьями и ни на что не годных от старости боевых слонов. Отец и раджа стали добрыми друзьями. – Голос Иден звучал печально. – Отец всегда говорил, что раджа был очень просвещенным человеком.

– А почему вы остались здесь после подавления восстания, мисс Гамильтон?

Графу показалось, что Иден вздрогнула, когда он произ-

нес ее имя. Тонкая дрожащая рука подхватила край накидки и плотнее закрыла лицо. Граф понял, что Иден взволнована.

– Настало время прощаться, саиб, – торопливо проговорила девушка на хиндустани, сложила ладони вместе и поклонилась так, будто они просто обменялись ничего не значащими любезностями. – До свидания.

Она хотела было отвернуться и уйти, но граф протянул руку, чтобы остановить ее. Однако изумление на лице Пратап Рао показало ему, что такая вольность недопустима. Граф опустил руку и мрачно наблюдал, как Иден грациозной походкой подошла к радже, присела рядом и выразила ему признание, прежде чем покинуть зал вместе со своими спутницами. Через арку они скрылись в одном из неприметных проходов, который вел в зенану.

Иден Гамильтон... Имя звучало как музыка, такое же прелестное и неизбитое, как его хозяйка. Граф задумчиво посмотрел в сторону арки, через которую ушла девушка. Двое охранников со свирепыми лицами, в алых чалмах и великолепных, расшитых золотом мундирах, с изогнутыми саблями за поясами вернулись на свои места у дверей. Иден Гамильтон... Он узнал ее имя, но что толку? Она осталась такой же загадкой, что и прежде.

Глава 4

Shabash, butchas! Khabodar! Khabodar!

Хотя солнце едва коснулось первыми лучами взмывающих ввысь куполов храмов, окружающих зал приемов, отполированные веками камни во дворе уже источали невыносимый жар, а крики погонщиков, выстраивающих слонов в цепочку, только усиливали всеобщую суматоху. Никак не меньше пятисот слуг в свежих красных чалмах ожидали в тени навесов. Здесь собрались опахальщики и те, кому предстояло нести плюмажи из павлиньих перьев, жезлоносцы и слуги рангом повыше – им доверили нести священные образы Сита Рамы во главе шествия.

Около полудюжины слонов в ярком праздничном убранстве, под богатыми шелковыми покрывалами ждали начала шествия. Howdah, паланкин, укрепленный на спине слона, в котором предстояло разместиться радже, был вырезан из слоновой кости и обит внутри красным бархатом. Слонов соединяли друг с другом гирлянды цветов, их пьянящий запах смешивался с запахом розовой воды, которой двое священнослужителей поливали раскаленные камни.

Маярский раджа со своими гостями готовился к охоте на тигра. Британский представитель и его секретарь удостоились особой чести – ехать в паланкине самого раджи. Остальным же предстояло следовать за ними верхом на ло-

шадях. Хью Гордон стоял чуть в стороне от шумной мужской толпы и радовался, что скоро ощутит под собой седло. Нескончаемые торжества, обильная пища и затянувшиеся церемонии прошедших дней утомили его, тело жаждало движения.

Резвый берберский жеребец, которого ему подарили, казалось, разделял его чувства. Граф одобрительно глядел, как он, фыркая и пританцовывая, идет по направлению к нему со стороны конюшни. Наконец граф вскочил в седло, натянул поводья и что-то ласково сказал жеребцу, прежде чем занять место среди нетерпеливо гарцующих всадников.

– Задаст он вам жару, ваше сиятельство, – шутливо заметил Харри Диз, чиновник из Бхаратпора. Под ним была кобыла, которая по причине своего почтенного возраста уже была неспособна доставить неприятности всаднику. Поэтому он мог пошутить, глядя, как беспокойный жеребец повернул голову и попытался вонзить зубы в обтянутую сапогом ногу графа.

– Да, могу поспорить, с ним не соскучишься, – со смехом согласился Хью, не скрывая, что его очень радует резвость жеребца. – Надеюсь, что сумею удержать его на месте, пока эта чертова процессия наконец тронется с места.

– По-моему, они уже выступили, – отозвался чиновник, услышав звуки пения, доносящиеся от головной части процессии. – Насколько мне известно, песнопения, восхваляющие раджу, должны начаться, когда его слон будет прохо-

дить под Хатхи Полом. Из этого я делаю вывод, что была дана команда выступить. Только боюсь, вы не удержите своего дьяволенка на месте, пока очередь дойдет до нас, – добавил он, подтверждая мысли графа и несколько отдаляясь от его жеребца, потому что тот неожиданно вскинул заднюю ногу с намерением брыкнуть одного из разодетых носильщиков, который подошел слишком близко.

– Что ж, каждому свое, Харри, – ответил граф, широко улыбаясь. – Shabash, shikari-sahib! Молодчина! – крикнул он молодому индусу в форме копьеносца, продемонстрировавшему небывалую ловкость в увертывании от копыт жеребца.

Индус улыбнулся в ответ, сверкнув белоснежными зубами на темном лице, и почтительно поклонился, прежде чем исчезнуть в толпе.

В воздухе витало всеобщее возбуждение, охотники добродушно подначивали друг друга, шутили и смеялись. Жеребцы вскидывали морды, чуя это возбуждение. Граф ласково потрепал своего коня по шее. И в этот самый миг неожиданно заметил знакомое лицо – жилистый индус пробился к нему сквозь толпу и ухватился за стремя.

Это был Бага Лал, растрепанный и запыхавшийся. Граф прищурился, глядя на него из-под пробкового шлема:

– Ты что-нибудь узнал, друг мой?

Бага Лал отвечал на пушту, языке Патана, на котором он, рожденный на северо-западной границе в предгорьях величественного Гиндукуша, говорил с рождения и который

граф понимал вполне сносно:

– Я нашел ответы на все ваши вопросы. Покойный раджа действительно предоставил убежище чужеземке, так как дружил с ее отцом, Гамильтон-саибом. Больше за этим ничего не стоит.

– Тогда почему она не вернулась в Лакнау? – Хью нахмурился. – Уверен, ее обязательно бы приютили.

– Говорят, она опасается возмездия со стороны индусов против раджи и его семьи.

– Да, это вполне понятно, – согласился граф, вспомнив, что британские войска, подавившие восстание, проявили чудовищную жестокость. «Помни Конпор!» – был их боевой клич. Они действовали с бесчеловечной жестокостью в память о безвинных белых женщинах и детях, которых рассвирепевшие сипаи рубили на куски и сбрасывали в пересохший колодец в Конпоре. Отравленная ядом ненависти, британская армия беспощадно расправлялась даже с теми, кто вообще не выступал против нее. По всей бескрайней Индии безвинных людей вешали только за цвет их кожи.

– Британская армия вполне могла пойти на Маяр, решив, что девушку держали во дворце насильно, – согласился Бага Лал. – В то страшное время все было возможно. Но если она говорит правду, а я думаю, что это именно так, на ушко радже нашептывает не она.

– Скорее всего ты прав, Бага Лал. – Граф задумчиво прищурился, глядя, как впереди нестройным рядом охотники,

носильщики и слоны проходят под заостренными арками. Его окружало море темных непроницаемых лиц, и на мгновение графа озарила истина – он понял тщетность попыток найти ответы на вопросы, ради которых приехал сюда. Как узнать, кто среди этого людского моря подстрекает легковозбудимую молодежь выступать против британцев?

– И еще одно, саиб. – Бага Лал семенил рядом с графом, ухватившись за стремя, когда жеребец пошел резвее. Слуга перешел на родной язык хозяина, так как не считал далее необходимым скрывать свои слова. – Не думаю, что это имеет отношение к тому, что вы хотите знать, но считаю, что это довольно важно и стоит упоминания. Я говорю о договоре, заключенном между покойным раджой и раной Бхарадпура, по которому Ювераджа Малраджа должен был взять в жены одну из младших дочерей раны. Мне сказали, что переговоры длились не менее года, когда старый раджа внезапно умер, а сейчас ходят слухи, что новый раджа не собирается выполнять договор.

– Мне казалось, Малраджа уже женат. – Хью нахмурился.

Бага Лал презрительно фыркнул:

– Ему было только девять лет, когда его обручили с болезненной дочерью раны Удайбаса. Она умерла два года назад во время родов. Ребенок родился мертвым. Эти смерти не вызывают удивления, если принять во внимание, что несчастной женщине всего-то исполнилось четырнадцать лет.

Когда граф наконец заговорил, у него был довольно озабоченный и сердитый вид.

– Но какое отношение ко всему этому имеет решение раджи разорвать помолвку?

– Один daffadar, у которого брат служит во дворце, сказал мне, что раджа хочет заключить гораздо более выгодный для себя брак, чем жениться на второй дочери какого-то незначительного принца. Последнее время он часто говорит о смешанных браках и о почетном положении, которое занимает леди Хилер, жена генерала-саиба, что командовал войсками в Конпоре.

– Она была индианкой, – припомнил граф, – но какое...

– Сейчас многие считают, что смешанные браки выгоднее всего, именно так можно добиться расположения британских властей, – прервал его Бага Лал. – Возможно, и раджа думает так же, тем более что знакомая английская леди у него под рукой.

Последовало недолгое молчание, затем граф в ужасе воскликнул:

– Боже правый! Ты хочешь сказать, Малрадж собирается жениться на дочери полковника Дугала Гамильтона?

– Я ничего не хочу сказать, – осторожно парировал Бага Лал. – Я только повторил то, что сказали мне, а daffadar, который сообщил мне это, достоин доверия.

Воспользовавшись суматохой, которая поднялась, когда процессия выходила из ворот, он быстро прикоснулся к чал-

ме, поклонился и тут же растворился в толпе, оставив графа один на один с тревожными мыслями.

– Боже правый! – повторил граф после длительного молчания.

Воображение отказывало ему: он не мог представить такую женщину, отважную, ни о чем не подозревающую и совершенно прелестную, как Иден Гамильтон, женой непомерно напыщенного маярского раджи! Верно, они примерно одного возраста, но их воспитание, обычаи, верования слишком различны, слишком не совпадают. И потом, Хью достаточно наслышался в Дели разговоров о высокомерии молодого Малраджа, о его явной нелюбви к иноземцам. Не нужно быть слишком наблюдательным, чтобы заметить жестокость в гордых темных глазах и первые признаки разложения на ястребином лице правителя.

– Черт побери! Какая разница? – пробормотал граф вслух, досадуя на себя, что так задет сообщением Бага Лала.

Собственно говоря, почему бы Малраджу и не жениться на англичанке, если ему этого хочется и если священнослужители позволят ему заключить такой брак? И почему этой англичанкой не может быть молодая женщина, которая уже четвертый год живет у него во дворце и к которой он искренне привязался, если верить Джаджи? Иден Гамильтон наверняка уже исполнилось восемнадцать, она – взрослая женщина и может выйти замуж, за кого ей заблагорассудится.

«Да, в находчивости вам не откажешь, Малрадж Пратап

Гасварад», – подумал граф Роксбери, глядя на ленту дороги, на покачивающийся паланкин, в котором ехали раджа и его гости. Конечно, раджа весьма находчив, потому что Британский политический департамент будет куда как доволен, если индийский правитель возьмет в жены подданную Британии, а сам раджа получит в жены прелестную, образованную, бесконечно интересную женщину...

Земля, лежащая за стенами Питора, была покрыта редким лесом и полна опасных для всадников расщелин и скальных нагромождений. Древние nullahs, тропы, пересекали пыльные равнины, а проливные муссонные дожди давно перегородили дороги, проложенные еще во времена императора Акбара, непроходимыми завалами. Королевская процессия продвигалась очень медленно, палящее полуденное солнце обжигало землю и все живое. Наконец, добравшись до ослепительно белых берегов реки, объявили привал.

Здесь был разбит настоящий палаточный город, в котором радже и его гостям предстояло отдохнуть и освежиться. Поскольку костры для приготовления пищи только добавили бы жара к и без того изнуряющему пеклу, угощение приготовили заранее и на повозках доставили сюда из дворца. Охотники расположились в тени палаток и с удовольствием принялись за чупатти, личи, жареные манго, яблоки в сладком соусе и чай с кардамоном.

Насытившись, они растянулись на подстилках для отдыха, а чтобы было не так жарко и не докучали мухи да ползa-

ющие насекомые, слуги обмахивали их опахалами и отгоняли всех летающих и ползающих тварей. Те, кому пришлось обходиться без таких удобств, расположились в редкой тени деревьев на берегу реки, от которой хоть немного веяло прохладой. Погонщики слонов устроились на отдых между ногами своих подопечных.

Все с радостью коротали самые жаркие часы, предаваясь послеобеденному сну. Гул голосов затих, тишина воцарилась над лагерем, и только тонкий недовольный детский голосок доносился с берега, чуть ниже по течению реки. Он был обращен к невидимому собеседнику, дремлющему в тени дерева:

– Это несправедливо, говорю тебе! Какая же это охота на тигра, если все только едят и спят? Я найду Малраджа и скажу ему все, что я думаю о такой охоте!

Авал Банну отдыхал, подложив руки под голову. Он не спеша приоткрыл один глаз и посмотрел на рассерженного мальчика, который стоял над ним:

– И вы решитесь прервать его сон, мой принц? Да он сразу же отправит вас назад в Питор.

– Ну и пусть! – вызывающе заявил Джаджи, скрестив руки на груди. – Уж лучше я весь день буду слушать, как Динна Ганд рассказывает легенды, чем участвовать в такой охоте!

Авал Банну неопределенно хмыкнул и прикрыл глаз.

– Вот увидишь, я так и сделаю! – пригрозил мальчик.

Старик индус вздохнул и приподнялся на локте.

– Тигра невозможно выманить на открытое место, пока светло, – терпеливо объяснил он. – Только в сумерки он выйдет к водопою. А к тому времени ваш брат и его оруженосцы уже займут места в malhans, укрытиях. Они сделаны из веток деревьев и не очень удобны, так не лучше ли скоротать это время по-другому, отдохнуть здесь и набраться сил?

– Да, но...

– Не лучше? – не отставал Авал Банну.

– Ну хорошо, лучше! – взорвался Джаджи, топнув ногой. – Но я ничуть не устал и не хочу лежать здесь и притворяться, что сплю! Чем мне заняться?

– Можешь пойти со мной, – предложила Иден, которая появилась, как раз когда Джаджи задавал последний вопрос. – Хаджи Бад дал мне мешок сахарного тростника для слонов.

Джаджи сразу оживился, обычно его и близко не подпускали к этим огромным животным, когда они отдыхали в дворцовых стойлах.

– Мы действительно будем их кормить, Чото Бай?

– Конечно. Пойдем, пусть наш почтенный друг отдохнет немного. Да приснятся вам приятные сны, cha-cha.

– Идите, идите отсюда, – добродушно проворчал Авал Банну, глядя на улыбающееся юное лицо Иден, и закрыл глаза, не дожидаясь, пока она плотно прикроет его свободным концом чалмы, прежде чем присоединится к погонщикам и конюхам. Он знал, что в их компании Иден будет в полной безопасности, ее любили все, да и Джаджи будет полезно от-

дохнуть от сверхвнимательных опекунов, оберегающих каждый его шаг. Быстро погрузившись в неглубокий старческий сон, он улыбнулся, услышав веселый смех мальчика.

– Смотри, Чото Бай! – как раз в это время с восторгом кричал Джаджи. – Он меня любит, правда?

– Держи тростник ровно, а то уронишь, – предупредила Иден, наблюдая, как Джаджи радостно протягивает руку к огромному слону.

– Ты его испортил, Чото Бай, – пожаловался погонщик, отдыхающий рядом. – Смотри, он шарит в твоих карманах, ищет угощения.

– Он умница, знает, что заслужил награду, – с улыбкой отозвалась Иден. Мягкий теплый конец хобота ощупывал сверху ее чалму. Иден ласково обратилась к огромному животному: – Ты воистину принц из принцев, Булкулай.

– Можно, я дам ему еще, Хаджи Бад? – попросил Джаджи. – Ну, пожалуйста.

– Вот здесь в мешке есть еще тростник, мой принц.

Неподалеку в тени раскидистого дерева сидели двое индусов и молча наблюдали за действиями возбужденного мальчика. Вскоре один из них заметил:

– Брат раджи растет храбрым. Смотри, он бегает между ногами у этой туши и не боится, что слон раздавит его.

– А эта иноземка еще смелее, – подхватил другой. – Всем известно, нрав у Булкулая крутой, а ей он разрешает делать с собой все, что угодно. Попробовали бы другие! Хаджи Бад,

мой двоюродный брат, говорит, что Булкулай мало кого любит.

– Подумаешь, – презрительно произнес первый, – это только потому, что она проводит с ним все время, пока он в стойле, играет, нянчится. Такое поведение более приличествует nauker, простолюдинке, а не женщине из зенаны.

Его собеседник промолчал: он хорошо знал, что Гар Рам, старший конюх раджи, недолюбливает девушку-иноземку с тех пор, как она в прошлом году одним выстрелом уложила замбара, в которого Гар Рам не попал, хотя очень хотел убить его. Хотя Гар Рам и был одним из лучших стрелков штата, ценил он себя все же незаслуженно высоко. Гордость охотника была серьезно уязвлена тем, что его обошла женщина, да к тому же еще и англичанка. Во дворце хорошо знали его тяжелый, мрачный нрав, а брат раджи, Джаджи, даже сравнил его однажды с надутым индюком.

– Я всегда придерживался мнения, что англичанке негоже перенимать наши обычаи, – добавил Гар Рам с презрением, глядя на молодую женщину в свободной блузе и полотняных шароварах, которая, казалось, даже не замечает их присутствия. – Она просто насмехается над ними, когда принимает то, что ее устраивает, и отбрасывает все остальное.

– Верно, Чото Бай ведет необычную жизнь, – согласился собеседник, который искренне симпатизировал девушке, – но она всегда соблюдает законы purdah. Покойному радже ни разу не пришлось краснеть за нее. Я не удивлюсь, если боги

окажут ей особую честь и в следующую жизнь она родится в Индии.

– Подумаешь, – небрежно бросил Гар Рам.

– Советую тебе попридержать язык, – искренне предупредил его друг. – Если слухи верны, раджа собирается соединить свою жизнь с ее, и она получит власть, с которой нельзя будет не считаться.

У старшего конюха окаменело лицо.

– Это что еще за чепуха?

– Это только слухи, – отозвался другой, оправдываясь. Он с опозданием понял, что не сдержался и сболтнул лишнего. – Во дворце вечно всем перемывают косточки, в этих слухах ни слова правды, я уверен.

– Да, но на пустом месте такие слухи не возникают. – Гар Рам погладил бороду и помолчал.

Второй заговорил, успокаивая его:

– Не бойся, брат. Раджа никогда не женится на женщине, которая не принадлежит ни к одной касте. Это навсегда осквернит его.

– А может, было бы лучше, если бы она умерла? – мрачно сказал Гар Рам. – Ее присутствие в Маяре – оскорбление для нашего народа, оно оскверняет наших людей. Жаль, что наш покойный раджа не понимал этого.

– Chup! Придержи язык! – опять предупредил его собеседник. – Смотри, вон от реки приближается какой-то саиб. Верхом, видишь?

– Да это всего лишь один из англичан, – с презрением отозвался Гар Рам. – Не сомневаюсь, он по-нашему не понимает. Да и на таком расстоянии вряд ли что услышит. Замолкни со своими страхами, Шоки Лал, презренный трус!

Однако Гар Рам ошибся дважды. Приближающийся к ним саиб не только прекрасно говорил на хиндустани, но и в горячем, неподвижном воздухе слова конюха разнеслись так далеко, что Хью Гордон все услышал и понял. Он сделал вид, что не замечает их присутствия, медленно проехал мимо и спешился на порядочном расстоянии.

Разомлевший конюх в испачканной о траву рубахе поспешил увести его жеребца, и только после этого граф позволил себе украдкой обернуться. Он сразу же увидел Иден Гамильтон, болтающую с Джаджи, и несколько смеющихся погонщиков рядом со слонами. Иден была одета так же, как погонщики, в полотняные шаровары и муслиновую чалму. Казалось, она не замечает ни графа, ни двоих индусов в тени дерева, наблюдающих за ней. Один из них был в форме копьеносца, а другой – в одежде конюха.

«Так, значит, у Иден Гамильтон все же есть враги во дворце», – с интересом подумал Хью. Какой бы сказочно-волшебной ни была ее жизнь, опасность подстерегает девушку, хотя она скорее всего и не подозревает об этом. Вообще-то, конечно, ему до этого нет никакого дела. Интриги и политика, ненависть и ревность заполняли жизнь обитателей любого индийского дворца. Маяр – не исключение, но его это не

касается.

– А, вот вы где, Роксбери! – раздался у него за спиной голос капитана Молсона. – Я уже было собирался послать за вами одного из конюхов. Раджа проснулся и приглашает нас к себе в шатер. Кажется, мы хорошо подготовились к охоте. Боже, ну и жара! – Он со вздохом вытер со лба пот промокшим платком. – Хорошо прогулялись? Харри Диз сказал, что вы отправились на верховую прогулку, но я ему ответил, что он, должно быть, обезумел, если поверил в это. В такую жару! Когда можно было добрый час отдыхать под прохладой опахал.

Граф с неприязнью посмотрел на капитана, но Молсон не заметил этого. А если бы заметил и догадался, чем вызваны чувства графа, наверняка бы встревожился. Но граф просто пожал плечами и не спеша ответил:

– Очень хорошо, Молсон. Чего же хочет от нас раджа?

Лагерь пришел в движение, когда они вошли в шатер раджи, а к тому времени, когда они покинули его, солнце уже склонилось к закату, и прозвучал приказ продолжить движение. Места для засады были подготовлены заранее на южной стороне близлежащего источника, у которого два дня назад перепуганные крестьяне встретили тигра. В этих укрытиях должны были расположиться раджа со своими оруженосцами, несколько ближайших придворных и, как знак особой чести, члены британской делегации, получившие приглашение присоединиться к радже.

Когда значительно меньшая по размерам, но такая же праздничная процессия покидала лагерь, граф заметил Иден Гамильтон. Она ехала верхом в компании принца Джаджи и бородатого индуса, которого граф не знал. Его не удивило ни то, что девушка сидит в седле, будто родилась в нем, ни то, что в своем одеянии она походила на красивого юношу из рода Раджпутов. Граф невольно улыбнулся. Да, Иден Гамильтон – необычная девушка, и чем больше он ее узнавал, тем более укреплялась его уверенность, что она может стать достойной супругой любого раджпутского правителя. «Жаль, что это будет Малрадж», – подумал граф и сразу помрачнел.

– Разве брат раджи не присоединится к засаде? – поинтересовался он у носильщика, шагавшего рядом с его гарцующим жеребцом.

– Нет, саиб. Слышали, как он жаловался, что ничего не увидит из-за голов охотников? Раджа великодушно позволил ему наблюдать за охотой издали, с противоположного берега. А загонщики как раз выгонят тигра на этот берег, так что молодой принц все отлично увидит.

Это было правдой. Авал Банну сам выбрал место не более чем в двадцати шагах от берегов мелкого озерца, окруженного густым колючим кустарником, который должен был надежно скрыть их от глаз тигра, когда тот появится. Охотники сидели в засаде на том берегу, где ждали тигра. Таким образом, молодой принц со спутниками будет находиться вне

линии огня. Мальчик с жадностью оглядел выбранное место и остался доволен.

– Теперь мы должны набраться терпения, мой принц, – предупредил его Авал Банну. – Неизвестно, когда загонщикам удастся загнать тигра в засаду, чтобы он не смог сбежать. Они начнут далеко с севера и погонят его в нашу сторону.

К чести Джаджи, он проявил завидное терпение, потому что ждать и в самом деле пришлось долго. Близился вечер, свежий ветерок прошуршал в высокой золотисто-бурой траве, но никакого движения на равнине так и не было. Охотники в засаде тоже сидели не шевелясь. Как ни странно, но Иден первой начала испытывать беспокойство: а что, если эскорт Эдгара Ламбертона покинет Маяр на следующий день утром, а вместе с ним уедет граф Роксбери? Она старалась отогнать от себя эту мысль – и не могла. Правда, ничуть не жалела, что больше не увидит этого человека, но ее странно тревожила мысль: завтра настанет утро, и она опять останется единственной иноземкой в Маяре.

Хотя нет, не совсем верно, останутся новый британский резидент и его помощники. Но Иден против воли испытывала к Ламбертону ту же неприязнь, что и Аммита. Он был не совсем тем человеком, с которым Иден хотела бы подружиться, но тем не менее по совершенно непонятной причине присутствие англичан непреднамеренно разбудило в ней странную тягу к своим, ей захотелось очутиться среди британцев. Ей и в голову не приходило, что она так обрадуется

возможности говорить на родном языке или оказаться лицом к лицу с человеком, которому было в высшей степени безразлично, что она нарушает закон purdah. Впервые с тех пор как мощные ворота дворца закрылись за ней, Иден серьезно задумалась о своих соотечественниках, о том, что они думают и делают и сколько их все еще остается на бескрайних просторах Индии, за границами Маяра.

– Слушайте, слушайте, они приближаются!

Утомительная тишина наполнилась скрипом кожаных седел и горячим шепотом Джаджи. Невысокие холмы казалось, поглощают эхо, и сначала Иден, которая сразу же выпрямилась в седле, ничего не услышала. Потом к шороху сухой травы добавились отдаленные глухие удары барабанов – это загонщики полукругом продвигались по лесу в их направлении. Они были где-то на расстоянии мили к северу от озерка и барабанной дробью гнали тигра к засаде. Почувствовав общее напряжение, лошадь под Иден тревожно переступила. Иден натянула поводья, приказывая ей стоять смирно. Взгляд Иден остановился на засаде, где Малрадж наверняка уже нацеливает свое драгоценное английское ружье.

«В засаде, конечно, полно народу», – подумала девушка. Когда раджа стрелял, ему всегда прислуживали бесчисленные оруженосцы, конюхи и другие слуги. «Британцы тоже сейчас с ним, – мелькнуло в голове Иден. – Понравится ли графу Роксбери вкус предстоящего убийства?»

Лошадь навострила уши и тихо фыркнула. Иден быстро

подняла голову и увидела антилопу, которая пришла к водопою, не обращая внимания на барабанную дробь.

– Но если тигр где-то поблизости, почему антилопа не боится? – прошептал Джаджи с явным разочарованием. – А вдруг тигр ускользнул?

– Не спешите с предположениями, мой принц, – мягко отозвался Авал Банну. – Посмотрите сюда.

Иден повернула голову и задержала дыхание, когда увидела, что антилопа внезапно насторожилась и бросилась к лесу. Руки девушки непроизвольно натянули поводья, хотя нужды в этом не было – под ней была хорошо выученная лошадь, которая и так стояла тихо. Все замерло, люди боялись даже дышать, барабанщики прекратили бить в барабаны, казалось, все глаза и уши устремились в одном направлении.

– Ведите себя тихо, мой принц, – предостерег Авал Банну, когда Джаджи в волнении вскрикнул. Чуть сжав колени, наставник подал коня вперед и вытянул руку. – Смотрите вон туда, в камыши! Если тигр появится, он придет оттуда.

Не успел он проговорить это, как высокая трава заколыхалась и неожиданно огромный зверь бесшумно выступил из камышей, но различить его на их фоне было нелегко, и поначалу Иден даже не поняла, что смотрит прямо на тигра. Зверь наклонил морду к воде и стал пить. Иден увидела расходящиеся по воде круги из-под лакающего языка, вздрогнула и почувствовала, как поднимаются завитки волос у нее на шее от первобытного страха. Неосознанным движением она

медленно дотянулась до ружья, которое лежало перед ней на седле, и уголком глаза увидела, что Авал Банну сделал то же самое.

Тигр резко вскинул голову. Иден ясно увидела его светлую шею, длинные настороженные линии тела. Хотя они стояли против ветра и лошади даже не пошевелились, какое-то шестое чувство, казалось, предупредило зверя об опасности. Иден боялась дышать, одновременно испуганная и зачарованная великолепной жестокой красотой зверя. Казалось, вся природа замерла и сузилась до этих черных как уголь гипнотически сверкающих глаз и ждет... ждет...

В засаде Малрадж Пратап Гасварад тихо взвел курок. Выстрел разорвал тишину, за ним сразу последовал еще один, причем настолько быстро за первым, что его звук остался незамеченным среди всеобщего дружного выдоха, когда тигр дернулся и неподвижно замер.

– Shabash, ma-baap! – выкрикнул кто-то, и вдруг тишина взорвалась хором победных криков. Казалось, каждый торопился первым поздравить радостно улыбающегося раджу, все бросились к нему, все, кроме графа Роксбери, стоявшего с поднятым вверх стволом ружья, которое он успел отвести в тот самый миг, когда старший конюх Гар Рам нажал на курок.

– Что это значит, саиб? – в бешенстве спросил Гар Рам.

– Ваше ружье, кажется, нечаянно выстрелило, – вежливо объяснил граф на хиндустани, но при этом так посмотрел на

конюха, что гневные слова застряли у того в горле, будто его стеганули плетью по лицу. – Большая удача, что я успел вмешаться. Иначе выстрел пришелся бы как раз вон в те кусты, откуда брат раджи со своей свитой наблюдает за охотой.

Гар Рам побледнел, судорожно сглотнул слюну и попробовал вырвать ружье из рук графа. Но тот впился в него железной хваткой. Через мгновение индус не выдержал взгляда и отвел глаза.

– Не представляю, как это случилось, саиб, – пробормотал он. – Больше этого не повторится, я буду внимательнее, саиб.

– Да уж, постарайся, – хмуро отозвался граф. – Мне бы не хотелось получить в будущем печальное известие о досадной случайности от Ламбертон-саиба, когда меня здесь не будет.

Голова Гар Рама нервно дернулась, глаза беспокойно забегали. Убедившись, что его правильно поняли, Хью отпустил индуса, однако выражение его лица не изменилось. Все так же хмуро он смотрел на дальние кусты, где расположился Джаджи со свитой.

Глава 5

– Не верю! Вы лжете! Вы понятия не имеете, о чем говорите! – Глаза Иден Гамильтон сверкали гневом, когда она смотрела в непроницаемое лицо графа Роксбери.

Они стояли в тени узорчатой башни, которая была главным украшением большого двора. Лунный свет струился сквозь резные решетки верхних балконов и освещал серебряную вышивку на сари Иден. Серебро искрилось и сияло, когда Иден сердито качала головой, не веря словам графа.

– Вам известно, какому риску я подвергаюсь, согласившись встретиться с вами здесь? – возмущенно спросила она. Иден отдавала себе отчет в том, что нарушает закон purdah, тайно встречаясь с мужчиной. Но, оскорбленная подозрениями графа, все равно не замечала, что говорит очень громко, а в тишине ночи ее слова разносятся далеко. Он грубо схватил ее за руку и увлек в тень.

– Говорите тише, если не хотите, чтобы стража услышала нас, – оборвал ее граф. – Я видел, как стражник прошел недавно мимо ворот.

– Джаджи передал, что вы хотите сказать мне что-то очень важное, – продолжала Иден, не обращая внимания на графа. – Если бы я знала, что вы начнете выдвигать такие нелепые обвинения, я бы никогда...

– Бога ради! – с досадой перебил ее граф. – Вы не пред-

ставляете, как сложно было передать вам просьбу о встрече, особенно во время этого пышного празднества в честь удачной охоты. Как вы думаете, сколько сил я потратил на эту встречу, чтобы рассказывать вам здесь сказки? Гар Рам застрелил бы вас, если бы смог, я убежден. Он пошел на это, потому что видит в вас угрозу.

Синие глаза Иден с презрением смотрели на графа.

– Угрозу? Полно, ваше сиятельство, конечно же...

– Угрозу его положению как главного конюха раджи, – торопливо говорил граф. – Если Малрадж женится на женщине без касты, он навеки осквернит себя. Не исключено, что священники лишат его касты и принудят к отречению. Тогда трон займет принц Джаджи. Из того, что знаю и услышал, я понял, что брат раджи и старший конюх не очень жалуют друг друга. Не удивляйтесь, что Гар Рам поддался панике, он боится лишиться должности. И то, что он решил покончить с вами, тоже ничуть не удивительно. Его нелюбовь к англичанам хорошо известна.

– Так что же мне, по-вашему, делать? – с вызовом спросила Иден. – Вы ведь не думаете, что я побегу с вашими опасениями к радже, он меня просто высмеет.

Тон ее голоса говорил, что она и сама находит все это нелепым, и граф, глядя на ее гордое юное лицо в падающем сквозь резные решетки свете луны, почувствовал, что вот-вот потеряет терпение.

– Мне плевать на то, что вы сделаете! – резко и совершен-

но честно ответил он. – Я просто счел необходимым поставить вас в известность об истинном положении дел. Возможно, вы захотите вернуться к своим. В этом случае мы могли бы предоставить вам эскорт завтра утром.

– Вы предлагаете мне покинуть Маяр в сопровождении человека вашей репутации? – не поверила своим ушам Иден.

– А собственно говоря, что вам известно о моей репутации, мисс Гамильтон? – ровным голосом спросил граф.

Возмущение Иден было слишком велико, и она не заметила того, как граф произнес эти слова.

– Ваши действия говорят сами за себя, саиб! Достаточно вспомнить вашу ночную встречу с дядей Джаджи, Лала Даялом, и то, что ваш носильщик расспрашивает всех дворцовых слуг. Да-да, не делайте невинного лица! Нам в зенане хорошо известно обо всем, что происходит во дворце, от нас ничего не скрыть. Я не знаю, что вы замышляете, но не верю, что вы действуете порядочно.

– Теперь меня совсем не удивляет, что Гар Рам попытался покончить с вами, – мрачно заметил граф. – Будьте осторожны, мисс Гамильтон, так можно зайти очень далеко.

– Постараюсь запомнить, – отозвалась Иден, слова графа не произвели на нее впечатления.

Вдруг девушка вскрикнула – граф неожиданно схватил ее за за руку:

– Что вы делаете? Отпустите меня!

– Тихо!

Что-то в его голосе заставило Иден подчиниться. Она перестала сопротивляться и замерла. Двор, в котором они стояли, в основном использовался как место сбора во время религиозных празднеств и был окружен общими комнатами и балконами, которые по большей части пустовали. Именно по этой причине Иден и предложила графу встретиться здесь, когда ей передали его просьбу о встрече через Джаджи, который пришел в восторг от роли посредника в таком тайном деле и обещал ни словом никому не обмолвиться.

И тем не менее наверху кто-то был. Граф понял это по низкому сухому покашливанию, которое успел расслышать. Слабым эхом отдавались шаги по теплым мраморным плитам и наконец остановились почти рядом с башней, в тени которой скрывались Хью и Иден. Полная луна хорошо освещала все вокруг, и Иден, чуть обернувшись, увидела мужское отражение в зеркальной вставке двери напротив. Граф тоже заметил его и потянул Иден еще глубже в тень.

«Это просто стражник, – в ужасе убеждала себя Иден. – Если он заметит нас и поднимет шум...»

– Ты здесь, брат?

Неожиданный шепот раздался совсем рядом. Иден затаила дыхание. В это мгновение из тени вышел еще один человек. Он передвигался настолько осторожно и крадучись, что Иден подумала, вряд ли это стражник. А вдруг это такая же тайная встреча, как у нее с графом? У Иден участилось вдыхание, она почувствовала, как граф предостерегающе сжал

ей руку вокруг запястья. Девушка подняла глаза и увидела его напряженный ястребиный профиль, вглядывающийся в длинные тени.

– Зачем ты вызвал меня? – спросил первый шепотом, присоединяясь к приятелю в тени невысокой мраморной перегородки. – Мне здесь небезопасно. Если меня увидят...

– Chup! – оборвал его второй. – Есть новости.

– Из Дели?

– Нет.

– А откуда тогда?

Первый бросил быстрый взгляд через плечо, но огромный тенистый двор был безлюден. Тем не менее он заговорил совсем неслышно, и как Иден ни старалась, не могла разобрать ни слова. Граф тихо выругался от досады, но, когда она взглянула на него, поднес палец к губам, призывая ее молчать.

Так они и стояли неподвижно, пока двое не закончили разговор и не направились в их сторону. Когда подошли ближе, стало слышно, о чем они говорят. У Иден перехватило дыхание от услышанного.

– В Питоре толкуют, что Малрадж собирается взять в жены англичанку, – мрачно заметил один. – Она – дочь полковника-саиба из Лакнау, одного из начальников. Он погиб, защищая свой дом от наших благородных сипаев.

– Не понимаю, тебе-то какое дело до этого, брат? К нам это не имеет никакого отношения.

– Hai mai! Раджа Маяра собирается жениться на чужеземке! Разве одного этого не достаточно?

Второй презрительно рассмеялся:

– Какое мне дело, если этот напыщенный павлин добивается таким образом благосклонности англичан? Мы ссоримся не с ним. Оставь его в покое, брат, займись своими делами.

– Но разве это...

– Все, мне пора. И не вызывай меня опять без особой нужды! – Сказав это, нырнул в тень, а второй постоял еще немного в одиночестве. Вскоре, однако, и он пошел прочь, тихо ругаясь сквозь зубы. Когда он проходил мимо того места, где в тени выжидательно застыли Иден и граф, лунный свет хорошо осветил его лицо. У Иден кольнуло сердце: она узнала Гар Рама. Это был именно он.

– Кто был второй? – спросил граф, когда старший конюх скрылся из виду. Этот вопрос вернул Иден к действительности, она очнулась.

– Не знаю. Никогда не видела его раньше. Но могу поклясться, что он – вождь одной из близлежащих деревень. Не представляю, что связывает его и Гар Рама?

– Я тоже, – отозвался граф, но Иден, глядя прямо ему в лицо, подумала, что он совершенно точно знает, о чем говорили Гар Рам и тот, второй. Она уже хотела было сказать об этом графу, но он неожиданно зажал ей рот рукой.

– Тихо, – властно приказал он, – вас это не касается. Это

– предмет расследования политического департамента.

– Какого расследования? – От удивления у Иден расширились глаза.

– Я уверен, вы понимаете, что не вся Индия спокойно приняла британское правление, все время поступают отдельные сообщения о попытках поднять народ, посеять семена недовольства. Особенно отличается Пенджаб, но и в Раджпутане неспокойно, – снисходительно пояснил граф.

– Вы хотите сказать, что человек, которого мы видели с Гар Рамом, пытается организовать новый бунт? – недоверчиво спросила Иден.

– Думаю, да.

– И вы говорите, что расследуете это по поручению политического департамента в Калькутте? – продолжила Иден.

– С моей стороны это услуга помощнику министра. Мы с Лала Даялом знакомы не один год, поэтому совершенно логично, что именно я сопровождаю Эдгара Ламбертона в Маяр, чтобы встретиться с Лала Даялом и выяснить положение дел на месте.

– Так вот почему вы встречались в саду марданы в ночь приема!

– Разумеется, дорогая мисс Гамильтон. К счастью, фанатиков, подстрекающих народ к новому бунту, не так много, и Пратап Рао в качестве дивана Маяра уже предпринял меры к их аресту. Думаю, это произойдет в ближайшие дни.

– А зачем вы мне все это говорите? – Иден чуть заметно

нахмурилась.

– Затем, что вы – беспокойное и любопытное создание. Полуправда в ваших руках могла бы наделать больших бед, – безжалостно заявил граф. – Если я удовлетворю ваше любопытство сейчас, я хотя бы буду уверен, что вы не будете приставать ко всем с глупыми вопросами.

– Не буду вынюхивать, вы хотите сказать? – вспыхнула Иден.

– Если вам угодно, – вежливо поклонился граф.

– А если я решусь рассказать Малраджу о ваших делах? Насколько я поняла, ему ничего не известно о цели вашего визита, раз вы подозреваете, что он – виновник беспорядков в Маяре.

– Да, мы думали так, но он, очевидно, не представляет, что творится в умах его подданных, да и знать не хочет, если уж на то пошло. Что ж, расскажите ему обо всем, что узнали, мисс Гамильтон, но мне странно, что вы собираетесь сознательно действовать против англичан. Уверен, ваши симпатии на стороне ваших соотечественников.

Граф ожидал, что Иден начнет оправдываться, но она промолчала. Девушка посмотрела на него с нескрываемой неприязнью. Когда она пришла на эту встречу, ее лицо прикрывала накидка, сейчас она сползла, и граф ясно видел лицо Иден в лунном свете. Щеки у Иден пылали от возмущения, что придавало коже нежный теплый оттенок. Хью в очередной раз подумал, что Иден – прелестнейшая из всех жен-

щин, которых он встречал.

От ее сари исходил нежный запах розовых лепестков, а налетевший слабый ночной ветерок неожиданно поднял конец накидки и ласково прижал его к лицу, как ласкал бы близкий друг. Хью не мог оторвать глаз от ее чуть приоткрытых губ, желание охватило его, когда он увидел, как они влажно блестят в лунном свете.

Не задумываясь о том, что делает, он потянулся к ней, но, прежде чем успел коснуться, Иден отпрянула, будто какой-то древний инстинкт подсказал ей, что он собирается сделать.

– Не понимаю, зачем мне возвращаться к своим, ваше сиятельство? – проговорила девушка задыхаясь. – Кажется, ничего не изменилось с тех пор, как Индией правила Компания. И почему мы, британцы, продолжаем обманывать себя, считая туземцев варварами?

– Бог мой, возможно, вам и правда лучше остаться, – согласился Хью довольно раздраженно, хотя рассердился он скорее на самого себя – за то желание поцеловать ее, которое на миг охватило его. – Я позабочусь, чтобы Рао-саиб арестовал Гар Рама, а потом вы сможете не опасаясь принять предложение Малраджа стать его женой. Мне ясно, что он не участвует в заговорах против Британии, хотя и высказывается иногда довольно резко. «Горячий молодой петух, пустозвон, много говорит, но за его словами ничего не стоит» – так описал его сэр Хилари Тремейн, и я склонен согласиться

с ним. Пожалуйста, выходите за него замуж, мисс Гамильтон, если хотите.

– Возможно, я так и сделаю, – сухо ответила Иден. Выражение лица графа не изменилось.

– Вот и хорошо. Какая женщина не сочтет себя счастливой на вашем месте – провести остаток жизни в блаженном безделье, напрягаясь разве что для игры в кости со своими служанками в ожидании, когда раджа снисходительно призовет ее в свою постель? Это ли не честолюбивая цель и, несомненно, подходящая вам? Прощайте, мисс Гамильтон.

Он повернулся и пошел прочь, а Иден дрожала от гнева и жалела, что под рукой у нее ничего нет, чтобы швырнуть ему вслед. Как он посмел так разговаривать с ней?! То, что у него полномочия от политического департамента, еще не значит, что он может судить, как ей жить дальше!

– Послушать его – можно подумать, я живу в золотой клетке! – возмущенно проговорила Иден вслух. Звук ее голоса вспугнул летучую мышь. – Но это не так! И я не собираюсь растрачивать свое время на те глупости, о которых он говорил. Не собираюсь!

Подхватив подол сари, она неслышно перебежала двор. В тишине своих покоев она скинула туфельки и упала лицом на подушки. Хотя до рассвета было еще далеко, Иден не могла уснуть. Она кипела от возмущения и... не могла забыть худое насмешливое лицо графа. Опять и опять оно вставало перед ней. Иден вдруг почувствовала теплую струйку, стека-

ющую по тыльной стороне руки, и поняла, что плачет.

Она пришла в ужас, вдохнула поглубже и вслух выругалась в адрес графа словами, которыми ругаются местные жители и которые одинаково грязны на всех языках, но нарушила тишину комнаты не более чем легкий ветерок.

– Он говорит неправду, в зенане совсем не так! Совсем не так...

– Бага Лал, ты – недостойное создание! Где, черт побери, мой дорожный набор? Я просил тебя сложить его сегодня утром, а сейчас ничего не могу найти!

– Сейчас поищу, Хазрат-саиб, – невозмутимо пробормотал носильщик и низко поклонился, прежде чем удалиться.

– Wah! – воскликнул другой носильщик, посланный графом по делу подобным же образом. – Саиб сегодня не в духе! Чем вызван его гнев?

– Придержи язык! – сухо оборвал его Бага Лал. – Я уже много лет служу саибу и говорю тебе: лучше поторопись, когда он так говорит. А, вот и дорожный набор, слава Богу! Положи его в сумку, Махал Дал, да побыстрее!

Хотя дневная жара давно уже спала, раскаленные камни во дворе, где готовилась к отъезду британская делегация, источали жар, а равнины, простиравшиеся за воротами дворца, казалось, колеблются в жарком мареве. Несколько зевак собрались посмотреть, как отбывают англичане. Для обитателей дворца они уже не представляли интереса. Никому не хотелось стоять в духоте, чтобы просто увидеть, как скрыва-

ются в пыли горстка всадников и несколько повозок.

Раджа Маяра попрощался с гостями много раньше, щедро одарив их, а священники окропили розовой водой, чтобы благословить путешествие. Эдгар Ламбертон, остававшийся во дворце, произнес длинную и, как и ожидалось, скучную речь, после которой Хью в течение нескольких минут наедине переговорил с Лала Даялом в зеленой прохладе тронного зала.

– Бага Лал, тебе не передавали что-нибудь из зенаны? – обратился граф к слуге, который привязывал багаж к седлу.

Граф задал вопрос на хиндустани, и Бага Лал отвечал на том же языке:

– Нет, хозяин. Я сказал, что мисс-саиб может уйти с нами, путь открыт, но ответа не получил.

– Что ж, я не разочарован, – сухо заметил граф.

– Вы готовы, ваше сиятельство? Пора трогаться. Господи! Как я счастлив, что мы наконец-то уезжаем отсюда! – воскликнул капитан Молсон, обращаясь к графу. Его радостное настроение усиливало сознание, что он с честью выполнил порученное дело и что всего две недели пути отделяют его от любимого Равалпинди. – Значит, все готово? Прекрасно!

– Законченный болван, – заметил Бага Лал, когда капитан отъехал, негромко напевая «Боже, храни Королеву». – Вот уж с кем я расстанусь без сожаления.

– Да и с этим чертовым местом тоже, – брезгливо проговорил Хью. – Залезай, друг мой. Нет причин задерживаться

здесь дольше.

По сигналу капитана Молсона небольшая группа всадников и повозок тронулась в путь, заскрипели колеса, загремели по каменистой дороге повозки с багажом. Путникам предстоял девятидневный переход по безжизненной, иссушенной земле в безжалостном пекле, но членов эскорта это не волновало. Они смеялись и острили, переезжая по мосту через глубокий ров, окружающий дворец. Один только Хью Гордон обернулся и посмотрел на взмывающие ввысь белоснежные стены дворца Малраджа. Сквозь прищуренные веки он быстро и внимательно пробежал взглядом по узорчатым решеткам балконов, но, очевидно, не увидел того, что искал. Пожав плечами, через мгновение отвернулся. Отряд неторопливо двигался от дворца в направлении города.

Если обитатели королевского дворца не проявили ни малейшего интереса к отъезду иноземной делегации, то жители Питора, наоборот, выказали живейшее любопытство, и обочины на коротком отрезке дороги от окраины до центра города были усеяны зеваками. Настроение у людей было праздничное. Они приветствовали всадников и тяжело нагруженные повозки радостными возгласами, махали небольшими бумажными флажками.

Капитан Молсон с подобающим достоинством склонил голову в знак признательности. Отряд прошел уже самую плотную часть толпы, когда у одной из повозок внезапно отвалилось колесо и откатилось в канаву. Содержимое повоз-

ки оказалось на дороге.

Сразу же повозку облепило множество детей, их куча напоминала муравейник – младшие старались пролезть под ногами у старших и с победным криком спешили удрать с добычей. Капитан поначалу решил, что они помогают собрать рассыпавшиеся вещи, но, сообразив, в чем дело, перестал любезно улыбаться и направил свою лошадь прямо в середину кучи:

– Чертово отродье! Сейчас же верните все! Перкинс, Холидей, поймайте этих черномазых немедленно!

Граф тоже остановился и наблюдал за происходящим. Он явно забавлялся, глядя на красные и мокрые от пота лица капитана и капралов, которые гонялись за ребятишками, стараясь вернуть хоть что-нибудь из растащенного багажа. Тем временем остальная часть отряда старалась поставить колесо на место.

– Лично я даже рад, что этим ребятишкам что-то досталось, – вполголоса сказал Харри Диз, остановившийся рядом с графом Роксбери. – Они очень бедны, а у нас багажа намного больше, чем нужно для нашего перехода.

– Совершенно с вами согласен, – отозвался Хью с улыбкой, – но, думаю, надо заняться Молсоном, пока беднягу не хватил апоплексический удар.

– Это просто безобразие! – кричал капитан, когда они верхом пробились к нему через толпу любопытных горожан, которые громко сокрушались поведением детей, но не осо-

бенно спешили разогнать их. – Необходимо немедленно вернуться во дворец и сообщить об этом происшествии!

– Вы хотите, чтобы раджа арестовал горстку детей? – невозмутимо спросил Хью.

Лицо капитана из темно-красного стало фиолетовым.

– Это оскорбление британской кавалерии, и оно не должно остаться безнаказанным! Я не допущу, чтобы... Перкинс, вам удалось схватить одного? Молодчина!

Хью обернулся и увидел, как офицер пытается удержать сопротивляющегося худенького подростка-индуса, который во все горло кричал о своей невиновности. Предметом спора оказался туго набитый холщовый мешок, который они поочередно вырывали друг у друга.

– Поймал его на месте преступления, сэр! – задыхаясь, доложил молодой Перкинс, держа вырывающегося мальчишку. – Говорит, что хотел вернуть нам мешок, но я не верю ни единому его слову. Думаю, он за всю жизнь и слова правды не сказал.

– Это ты лжец и дурак! – отозвался парнишка сердито. – Тысяча проклятий на дом твоей матери! – Он был высокий и худой, из-под чалмы виднелись одни глаза. – Саиб, скажите ему, что я не крал этот мешок! – обратился он к графу. На мгновение их глаза встретились, и Хью с большим трудом сдержал удивление: ошибиться было невозможно – эти пронзительно синие глаза могли принадлежать только одному человеку...

– Отпустите его, Перкинс, – спокойно произнес граф.

– Ваше сиятельство? – Молодой человек удивленно посмотрел на него.

– Я сказал – отпустите его.

– Вы сошли с ума? – Капитан Молсон протиснулся между ними. – Это не входит в круг ваших полномочий! Черт побери, я не позволю...

– Это входит в мои полномочия, – возразил граф, и, хотя он говорил тихо, что-то в его голосе заставило капитана прекратить сопротивление и замолчать. – Этот мальчик – дальний родственник моего носильщика, он попросился с нами, ему надо попасть в Дели. Он недавно осиротел, у него никого не осталось в Маяре. У меня не было причин отказать ему. Лишний слуга или конюх никогда не помешают в дороге.

– Бог мой, в жизни не слышал более чудовищного вранья! Ясно как белый день, что эти двое, ваш носильщик и этот грязный оборванец, придумали эту сказку, чтобы ограбить нас на первом же ночлеге!

– Нет, саиб, это правда, – вступил в разговор Бага Лал, с ходу поддерживая хозяина. – У меня родня по материнской линии здесь неподалеку, в Джайпуре, там этот мальчик и родился. Богам было угодно, чтобы он узнал меня, когда мы пришли в Питор. Вот и умолил меня взять его с собой. Он не смог найти здесь работу, жить негде, ночует на улицах. Я обратился к Хазрат-саибу с просьбой, и благодаря его благословенной доброте...

– Хватит, черт побери! – оборвал его капитан Молсон, с недоумением глядя на графа – тот явно забавлялся происходящим. «Что за человек этот граф? Вечно путается с туземцами, обращается с ними как с равными?..» – с возмущением подумал капитан.

– Боюсь, вы не в силах помешать мне нанять еще одного слугу, – невозмутимо отозвался граф.

– Разумеется, нет, – согласился сквозь зубы капитан, – но, как только мы вернемся в Равалпинди, я обо всем доложу начальству. Вы не имеете права...

– Залезай на повозку! – прервал его граф, обращаясь к мальчику. – И не жалуйся, если будет не очень удобно, дорога длинная. Все понятно?

– Саиб все хорошо объяснил, – пробормотал парнишка, карабкаясь на повозку и устраиваясь среди мешков с зерном.

Капитан Молсон отдал краткое распоряжение, и отряд двинулся дальше. Любопытные зеваки потихоньку разошлись. Граф Роксбери и его носильщик проявили тем временем необычайную осторожность. Бага Лал держал наготове заряженное ружье, говоря, что вокруг много кобр, а граф проверил свой пистолет, прежде чем убрать его в сумку, притороченную к седлу.

Прищурившись, он смотрел на паренька, которого подкидывало на мешках с зерном, и настроение у него было далеко не благодушное. Разумеется, Молсон ни в коем случае не должен узнать, кто этот паренек на самом деле, иначе капи-

тан потребует немедленного возвращения в Питор, опасаясь гнева раджи. Да и репутация Иден может пострадать, если станет известно, что ближайшие девять дней она проведет в компании дюжины неженатых мужчин, половина из которых к тому же туземцы с сомнительными нравственными устоями. Лучше всего для Иден сохранять инкогнито до самого Дели, ведь воскрешение мисс Гамильтон из мертвых само по себе произведет достаточную сенсацию. Хью устало вздохнул, его совсем не радовало, что приходится взваливать на свои плечи такую ответственность. Он подозревал, и не без оснований, что путь в Дели предстоит нелегкий.

* * *

На ночь они разбили лагерь на берегу реки, где четыре дня назад граф перехватил черного жеребца Тукки и впервые встретил надменного юношу-индуса по имени Чото Бай. На этот раз не было нужды разбивать палатки, поскольку все члены экспедиции привыкли спать под открытым небом. На пути в Питор палатки ставили по настоянию Эдгара Ламбертона и его помощников.

Спешиваясь, Хью видел, как девушка с трудом спустилась с повозки – затекли ноги. Но хотя Иден, несомненно, была вся в синяках и ссадинах после тряски в дороге, она тут же принялась расседлывать и поить лошадей. Хью видел, что Иден не хочет с ним разговаривать, но по ее плотно сжатым

губам он понял, что девушка чувствует себя не лучшим образом. Решив, что вряд ли сможет ее утешить, граф не пытался заговорить с ней даже тогда, когда уже погасили костры, на которых готовили пищу, и все развернули кошмы на прохладном песке, устраиваясь на ночь.

Глубокой ночью, когда звезды уже начали бледнеть на небосклоне и шакалы возвращались в свои логова, граф внезапно проснулся. Он лежал, подложив руки под голову, и вслушивался в звуки ночи, присущие только индийской равнине, пытаясь понять, какой же из них тревожит его. Маловероятно, что раджа послал погоню за Иден Гамильтон, в таком случае их бы уже давно настигли, но до конца эту возможность Хью не отбрасывал – от раджи всего можно ожидать.

Граф уже совершенно проснулся и прислушался повнимательнее. Звук, потревоживший его, повторился. Но даже сейчас он не сразу понял, что кто-то плачет – приглушенные рыдания доносились из-под стоящей чуть поодаль повозки.

«Черт побери!» – подумал Хью в порыве бессильной ярости, мало того, что он взвалил на себя ответственность за то, чтобы доставить Иден Гамильтон в целости и сохранности в Дели, не хватало еще, чтобы он начал жалеть ее...

– Dekho, chokra! Ты видишь их? Вон там среди kikars! – Махал Дал говорил шепотом, пальцем указывая на стайку песчаных куропаток, которые пугливо выглядывали из-за колючего кустарника рядом с широкой излучиной реки.

Рассвет уже занимался над холмами, окрашивая отмели и песчаные берега нежным перламутровым цветом. Напряженно вглядываясь в слабый утренний свет, Иден кивнула и медленно дотянулась до древнего охотничьего ружья, лежащего поперек седла.

– Они слишком далеко, – недоверчиво проворчал старик индус, сопровождающий охотников. – Не трать на них выстрела, дитя!

– Ты забыл, отец мой, – улыбнулась Иден, – что охотничьему искусству меня обучал раджпутский воин, для которого охота – это все. Я не промахнусь.

С этими словами она подняла тяжелое ружье к плечу, тщательно прицелилась и спустила курок. Куропатки бросились врассыпную, шумно хлопая крыльями, а Иден быстро взяла второе ружье от сопровождающего оруженосца и выстрелила еще раз.

– Shabash! – радостно воскликнул Махал Дал, хотя сам промахнулся. – Еще две в твой ягдташ! Сегодня мы поужинаем по-королевски!

– Поехали, братья, пора возвращаться, – произнес старик индус, который служил у Харри Диза, чиновника из Бхаратпура. – Уже рассвело, саибы наверняка спешат тронуться в путь.

В лагерь они возвращались рысцой. Всю дорогу Иден не без удовольствия прислушивалась к болтовне спутников. То, что они без тени сомнения приняли ее за своего, помогло ей

преодолеть тоску, снедающую с тех пор, как она тайком покинула Маяр, не успев попрощаться даже с Джаджи. Ей особенно понравился старый Садху, бородатый носильщик, что был в услужении у Харри Диза: своим мягким обхождением он напоминал ей Авала Банну. Вот уже шесть дней Иден ест и спит среди них, и не кто иной, как Садху, попросил Молсон-саиба выделить ей свободную лошадь, чтобы она могла охотиться вместе с ними.

«Я не подвела Садху, он не зря поверил в меня», – довольно подумала Иден. Кожаная охотничья сумка у нее за плечом была полна дичи.

Они появились из дальней расщелины в облаке пыли, и Бага Лал, который уже давно поджидал их возвращения, облегченно вздохнул и поспешил известить хозяина.

– Интересно, вот бы они узнали, что паренек, которого они принимают за своего, на самом деле девушка из Шотландии? – вслух подумал Хью.

– Думаю, они бы этому не обрадовались. Ведь, общаясь с женщиной таким образом, они оскверняют свою касту, – тихо ответил Бага Лал.

– Я не должен был допускать этого, – согласился Хью. – Достаточно было скрыть правду от Молсона. Поскольку он глупец и трус, то, конечно, стал бы настаивать на возвращении Иден в Маяр. Я не хотел, чтобы в Дели пошли ненужные разговоры, – он нахмурился, – но мне и в голову не приходило, что она так прекрасно справится с ролью и никто ничего

не заподозрит. Она всех провела. Ты прав, Бага Лал, никто не должен узнать правду.

– Beshak, трудно поверить, что они ее когда-нибудь узнают, она вполне может сойти за одного из моих братьев. А они-то у меня строптивые, можете мне поверить. – Бага Лал покачал головой, глядя, как лошади рысцой приближаются к лагерю. Иден без малейшего усилия спрыгнула на землю. – Возможно, – добавил носильщик задумчиво, – мы и ошибаемся, считая, что госпожа будет счастлива среди своих.

Обычно Хью высмеивал опасения своего носильщика, но на этот раз смолчал, чувствуя себя день ото дня все беспокойнее. Наблюдая, как легко и уверенно Иден обращается с ружьем, как привычна для нее его тяжесть, граф подумал, что немногие уважающие себя викторианские дамы так искусны в охоте на дичь. И наоборот, строгие, жесткие правила, определяющие жизнь британских женщин на родине и за ее границами, никогда не подойдут особе, получившей воспитание Иден Гамильтон. Хью уже начинал опасаться, что Иден почувствует себя неуютно в английском обществе, а соотечественники, как только увидят ее, заклеймят парией, которую нельзя пускать в общество.

– Черт побери! – вырвалось у графа вслух, когда он в очередной раз подумал о том, что ему предстоит. В конце концов именно он отвечает за то, чтобы общество приняло Иден Гамильтон, однако сама девушка, кажется, чувствует себя гораздо увереннее в компании седобородого старика индуса, и

это не давало Хью уверенности в том, что он справится с поставленной задачей. Оставалось только надеяться, что мисс Гамильтон быстро усвоит прежний образ жизни, но бывали мгновения, когда его охватывали серьезные сомнения, и тогда он с трудом верил, что Иден сумеет перестроиться.

– Бага Лал, – обратился он к слуге, приняв решение, – передай своему родственнику, что я хочу поговорить с ним сегодня ночью. Ему пора подумать о будущем.

– Передам, Хазрат-саиб. – Бага Лал удивленно посмотрел на хозяина.

В этот день удалось пройти не более двенадцати миль. Местность была совершенно голой и дикой, поэтому переход был мучительно трудный. Возможность поужинать свежеприготовленными куропатками соблазнила капитана Молсона, и он объявил о привале несколько раньше обычного. По его приказу лагерь разбили, когда солнце еще висело над отдаленными холмами раскаленным металлическим диском, а до прохладных сумерек оставалось несколько часов. И тем не менее решение капитана было встречено с одобрением, потому что последний крутой спуск вымотал всех, но зато отряд оказался у реки. Здесь были тень от деревьев и трава для лошадей.

– Пойду искупаюсь, Бага Лал, – объявил Хью сразу, как только спешился.

Оставив лошадь на попечение конюха, он спустился к реке, сбросил сапоги и мокрую от пота одежду. Вода была про-

тивно теплая, но после целого дня в седле под палящим солнцем Хью все-таки стало легче. Он проплыл около полумили против вялого течения, перевернулся на спину и так, лежа на спине, поплыл к тому месту, где оставил одежду. Он встал на ноги там, где вода доходила ему до пояса, убрал с глаз волосы и потянулся, довольный, что удалось наконец размяться после долгого сидения в седле.

– Вы не боитесь разбойников?

Хью прикрыл рукой глаза от слепящего солнца и увидел Иден Гамильтон. Она сидела перед ним на корточках, лицо ее, как всегда, было прикрыто свободным концом чалмы.

– Если вы о крокодилах – не боюсь. Они знают, что со мной лучше не связываться, – усмехнулся Хью и подумал: «Интересно, догадывается ли она, что на мне ничего нет? Пожалуй, нет».

Ее не смущала его обнаженная грудь, но она и не подозревала, что сделай он еще шаг или два к берегу, и окажется перед ней совершенно голым.

– Что вы здесь делаете? – спросил он, продолжая стоять в воде.

– Бага Лал сказал, что вы хотите поговорить со мной. Он сказал, вы начинаете беспокоиться...

– Так и сказал? Что ж, возможно, он и прав. Но я не собираюсь говорить с вами, глядя, как вы увядаете на солнце. – Тени на берегу поблизости не было, а слепящий белый песок, казалось, переливается от жары. Хью заметил капли по-

та на лбу девушки. – Почему бы вам не присоединиться ко мне?

Он увидел, как покраснела в ответ девушка, и с трудом удержался от смеха. Значит, еще не все потеряно, в Иден Гамильтон осталось что-то от чопорной викторианской девы.

– Я не умею плавать, – солгала Иден, запоздало раскаиваясь, что не дождалась ночи и поспешила встретиться с графом. Ее сбивало с толку поведение этого невозмутимого, вечно усмехающегося мужчины: она не понимала, дразнит он ее или сознательно старается поставить в неловкое положение. Что ж, она не позволит ему смеяться над собой. Иден вскинула подбородок и дерзко посмотрела в глаза графу:

– Полагаю, вы сердитесь на меня за то, что я избегаю вас всю дорогу? – Иден старалась говорить холодно и неторопливо, как будто считала, что нет ничего странного в том, что она разговаривает с ним, сидя на берегу, а он стоит перед ней по пояс в воде. – Конечно, надо было хотя бы объяснить вам, почему я... что случилось той ночью.

– Думаю, вам нелегко говорить об этом, мисс Гамильтон?

Девушка пожала плечами:

– Если бы я сказала, что не скучаю без них, я бы солгала, особенно без Джаджи. После смерти матери им никто не занимался, пока я не очутилась во дворце. Надеюсь, он не подумает... – У Иден перехватило дыхание, она замолчала и посмотрела вдаль.

– Уверен, он поймет вас правильно, – быстро отозвался

Хью. «Черт возьми, не хватало, чтобы она расплакалась прямо сейчас!»

Но Иден, похоже, решила не проливать слез в его присутствии, она расправила плечи и решительно сказала:

– Мне пришлось уехать после того, что вы рассказали мне той ночью. Благодаря вам я поняла, что, если бы стала женой Малраджа, я бы потеряла свободу, которой пользовалась и к которой привыкла. Как Чото Бай я могла делать что угодно, но как жена раджи должна была бы свято соблюдать закон purdah. Я бы уже не могла без разрешения покидать пределы зенаны, охотиться с Малраджем или собирать светлячков с Джаджи. Одна мысль об этом была невыносима, и я решила бежать.

– Вы решили вернуться к своим, мисс Гамильтон? Это мужественное решение.

– Вы думаете? – с сомнением спросила девушка.

– Вы сказали кому-нибудь, что решили бежать?

– Только Бегум Фаризе. Она понимает, почему я решилась на это, и помогла мне переодеться и попасть в толпу провожающих. Между прочим, повозка сломалась не случайно. Ни я, ни она не знали, как поведет себя Малрадж, если узнает о моем решении, поэтому мы решили действовать тайком.

– Не сомневаюсь, он послал бы погоню, если бы заподозрил, что вы ушли с нами.

– Мы с кормилицей договорились, что она пустит во двор-

це слух, что я нездорова. Думаю, несколько дней на мое отсутствие не обратят внимания.

– А кормилица? Что защитит ее от гнева раджи, когда он узнает, что она пособничала вашему побегу?

– Вы не знаете Бегум Фаризы, саиб, – сквозь легкий смех проговорила Иден.

– Не надо ко мне больше так обращаться, – сурово перебил ее Хью. – Вы – шотландка, мисс Гамильтон, и раджпутского Чото Бая больше нет. – Он увидел, как погасли ее глаза, и, непонятно почему, это разозлило его. – Полагаю, вы приложите все усилия, чтобы держаться, как подобает молодой английской леди, когда мы приедем в Дели?

– О, можете не беспокоиться, ваше сиятельство, – обиженно отозвалась Иден. – Вам не придется краснеть за меня.

– Это меня не волнует, – резко ответил граф.

– Нет? – удивилась Иден. – Тогда, может быть, вы боитесь, что я расскажу всем, как легко вас провела женщина, переодевшись в индусского юношу, ни больше ни меньше?

Иден увидела, как дернулись у него желваки, будто он ощутил на себе удар, который она чуть не нанесла ему плетью несколько дней назад.

– Бог мой, как до сих пор никто не выбил из вас ваше высокомерие?

– И вы полагаете, что именно вы тот человек, который способен сделать это? – язвительно спросила Иден, не удержавшись.

– Ну держись, чертова сучка! – Хью голышом двинулся к берегу.

У Иден округлились глаза, она в испуге вскочила на ноги, когда Хью угрожающе вышел из воды. Боже правый, до этого мгновения она не подозревала, что он стоит перед ней в воде совершенно голый! Она увидела подтянутый мужской торс, плоский живот, темную заплатку волос между стройными ногами и залилась горячей краской. Развернувшись, она на секунду замерла и услышала, как он заразительно смеется у нее за спиной. Страшное унижение охватило Иден.

Остаток дня она провела в ужасном состоянии, боясь ненароком наткнуться на Хью. Она не знала, как посмотрит теперь ему в глаза, и думала, что умрет со стыда, если это случится. Как он посмел так спокойно стоять и разговаривать с ней, зная, что совершенно раздет?

Щеки у Иден горели, она никак не могла отогнать его образ и поэтому вздохнула с облегчением, когда быстрые индийские сумерки окутали окрестности. Слава Богу, хоть теперь темнота скрывает ее лицо и старик Садху, который неподалеку курит кальян, не видит ее пылающих щек.

Конечно, это все потому, что последние четыре года она провела в зенане. Хью Гордон – человек образованный и, разумеется, знает, что большинство женщин, живущих в роскоши и великолепии дворца, содержатся там исключительно для удовольствий раджи. Вполне естественно, он мог подумать, что Иден тоже обучили искусству эротической любви.

«Пусть знает, что это не так. Я – не одна из них!» – возмущенно подумала Иден.

Живя во дворце, Иден хорошо знала, для чего существуют наложницы и каковы их обязанности по отношению к своему повелителю. Но Бегум Фариза, старуха кормилица, оберегала ее невинность настолько ревностно, что со стороны можно было подумать, что Иден была дочерью знатного вельможи. И в довершение ко всему Хью Гордон оказался в жизни Иден первым мужчиной, которого она видела обнаженным. Ее охватывала обида, когда она вспоминала его веселый смех за спиной, когда убегала, как смущенная гимназистка...

Господи, да разве ее можно винить в том, что она сбежала от такого зрелища? Его обнаженное тело произвело на Иден неизгладимое впечатление: она не представляла себе, что мужчина может быть таким большим и волосатым. А уж представить себе, что с таким можно разделить ложе...

– Chut! Стежки и так крепкие, ни к чему так потеть и ругаться, сын мой.

Иден быстро оторвала взгляд от уздечки, которую чинила, и увидела, как внимательно глядят на нее из-под отекших век глаза старика Садху, сидевшего по другую сторону костра.

– Прости, – кротко произнесла Иден, – я задумался.

– Должно быть, задумался глубоко, – с любовью сказал старик. Только тихое бульканье его кальяна нарушало тиши-

ну ночи. – Первый раз вижу тебя в плохом настроении, дитя. Это из-за того, что Молсон-саиб хочет везти тебя с собой в Равалпинди, да?

Иголка, которая до этого равномерно двигалась в руке у Иден, вдруг замерла.

– Первый раз слышу об этом, отец мой.

– Вот как? Не знал?

– А что сказал Молсон-саиб?

– Только то, что он хочет, чтобы ты ехал с ним, когда дорога разделится и он со своими людьми направится на север в Равалпинди. Он говорит, что для такого стрелка, как ты, в английской армии найдется дело.

– Молсон-саиб уже твердо решил? – быстро спросила Иден.

– Не думаю. Слышал только, как он просил об этом Хазрат-саиба.

– А тот?

В глазах Садху мелькнули веселые искорки.

– Хазрат-саиб ведь никогда прямо не ответит. Ohe, иногда мне кажется, что он думает совсем как индус!

– Понятно, – медленно произнесла Иден, хотя из слов Садху было ясно, что Хью Гордону совершенно безразлично, что решит сама Иден. Она отвернулась и посмотрела в ночь, не зная, что предпринять. Иден не могла объяснить себе, почему ее так тяготит равнодушие графа.

* * *

Лагерные костры уже почти догорели, и бледный месяц висел высоко над зигзагами горных вершин, когда осторожный шепот разбудил Хью Гордона.

– Кто здесь? – резко спросил он, мгновенно просыпаясь.

– Саиб? – Тихий голос был едва различим в шелесте травы на ночном ветерке.

Хью приподнял голову с походного мешка, который служил ему подушкой, и увидел, что рядом в тени кто-то сидит на корточках. Он мгновенно понял: это Иден.

– В чем дело? – резко спросил он.

Она осторожно огляделась и потом подобралась к нему поближе. На этот раз ее лицо было открыто, темные глаза тревожно смотрели на него в лунном свете.

– Завтра капитан Молсон со своими людьми направляется на север в Равалпинди, – прошептала девушка. – Я только хотела узнать, как вы распорядились насчет меня? Буду я сопровождать его или нет?

Хью вздохнул и приподнялся на локте:

– Вы замечательно выбрали время, мисс Гамильтон. Неужели нельзя было подождать до утра?

– Вы прекрасно знаете, что нельзя, – холодно ответила Иден. – Если мне предстоит ехать с ним, он должен узнать, кто я. А я совсем не уверена, что так будет лучше. Поскольку

я не имею ни малейшего представления о том, что вы собираетесь делать со мной в Дели, я решила, что лучше выяснить все сразу.

– Моя дорогая мисс Гамильтон, – начал Хью мрачно, – я ведь и сам не имею ни малейшего представления о том, что с вами делать в Дели.

Иден вздрогнула от неожиданности:

– Но я думала...

– Господи! – прервал ее Хью, разозлившись. – Да чего же вы ожидали? Я почти ничего не знаю ни о вас, ни о вашей семье. Вы сами не очень-то спешите просветить меня, как же я могу решить, что с вами делать?

– Да, – неохотно согласилась Иден, – наверное, вы правы, я давно должна была рассказать о себе.

– Это бы очень помогло, – вызывающе подтвердил Хью.

Иден захотелось влепить ему пощечину, но его глаза вдруг так сверкнули, что она поняла: он прекрасно знает, о чем она подумала, и вполне способен ответить тем же...

– Не могу сказать, что вы мне очень нравитесь, ваше сиятельство, – не удержалась от колкости Иден.

К ее досаде, Хью просто откинул назад голову и негромко засмеялся:

– Да, мисс Гамильтон, в этом я не сомневаюсь. Но раз уж судьба свела нас вместе, может быть, вы все же расскажете о себе?

Иден сердито оттопырила нижнюю губу и вдруг стала

больше похожа на маленького капризного ребенка, чем на прелестную, уверенную в себе молодую женщину, которой Хью был официально представлен в сверкающем зале приемов во дворце раджи.

– Что вас интересует?

– У вас есть родственники в Индии?

– Нет, – коротко ответила она. – Их убили сипаи.

– Всех? – Хью вскинул брови.

Как оказалось, этой трагической участи избежала только мать Иден, которая умерла от горячки два дня спустя после рождения дочери. Ей было тогда уже почти сорок, роды в таком возрасте опасны во всех отношениях, а ужасные условия полевого госпиталя, разбитого на время маневров в полку мужа, ускорили ее кончину.

– Родители были женаты десять лет, когда я появилась на свет, – ровным голосом продолжала Иден. – Они уже, наверное, отчаялись иметь детей и очень удивились, когда узнали, что у них будет ребенок. После смерти матери отец взял мне няню.

– Она жива? – поинтересовался Хью.

– Нет. – Лицо Иден окаменело.

– А ваш дядя?

– Дядя Донан никогда не разделял военных пристрастий отца. Он был плантатором, осел на Цейлоне. Когда угроза бунта стала очевидной, он прислал свою дочь Изабел к нам в Лакнау, а потом папа отправил нас обеих в Мирут. – Иден

отвернулась и посмотрела в темноту, наблюдая, как далекие зарницы освещают вершины гор. – Он сказал, что там для нас обеих будет безопаснее. Странно, правда? Ведь все началось именно в Мируте. – Она горько улыбнулась, и ее настороженный профиль показался Хью необычно трогательным в лунном свете.

– Вы уверены, что и ваш дядя, и кузина были убиты?

Иден неопределенно пожала плечами:

– Когда восстание подавили, раджа, отец Малраджа, сделал все возможное, чтобы разыскать их или узнать, что с ними случилось, но безуспешно. Они считались погибшими, родни у меня больше не было, и остаться в Маяре было самым разумным.

– А в Шотландии у вас тоже никого нет?

– Есть или нет, мне об этом ничего не известно. Мой отец потерял связь с родными в Шотландии, когда с дядей Донаном эмигрировал в Индию. Что до моей матери... – Иден нахмурилась. – Наверное, она не очень ладила со своей семьей, потому что отец никогда не говорил со мной о них. Кажется, она убежала из дома, когда была еще совсем молодой, или сделала что-то ужасное, во всяком случае, родители от нее отказались. Иначе зачем было уезжать из Шотландии и идти в Лакнау в гувернантки к богатому набобу, у которого были больная жена и полдюжины детей? Там она и оставила свое здоровье. Хорошо еще, отец забрал ее оттуда, и они поженились.

– Значит, с этой стороны тоже ничего, так? Вы не знаете, где проживает семья матери?

Иден покачала головой.

– Что ж, мисс Гамильтон, боюсь, для начала негусто, – вздохнул Хью. Он досадовал на себя за жалость, которую невольно испытывал к девушке. – В любом случае мне кажется, что все запросы о ваших родных следует направлять в Шотландию. Думаю, отыскать их будет несложно, если они там, разумеется. – Хью снова посмотрел на профиль девушки и задумчиво помолчал. – А тем временем вы поживете у моего друга в Дели. У полковника Фредерика Портера две дочери приблизительно вашего возраста. Они будут рады принять вас.

– Вы очень добры. – Иден почувствовала себя неловко.

Они долго молчали, тишину ночи нарушал лишь шорох какого-то зверька в колючем кустарнике.

– Наверное, я должна поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали, – наконец сказала Иден. – В конце концов, в том, что мне пришлось бежать из Маяра, нет вашей вины.

– Теперь в Питоре будет постоянно находиться британский представитель. Рано или поздно ваша история все равно стала бы известна, – заметил Хью.

– Наверное. Но я все же очень благодарна вам. Интересно... – Она подняла голову и серьезно посмотрела на него. – Как по-вашему, смогли бы мы стать друзьями?

– Друзьями? Разумеется, мисс Гамильтон, – так же серьез-

но ответил Хью, хотя сама мысль о дружбе человека его характера и репутации с молоденькой девушкой весьма развеселила его. Повернувшись, чтобы взглянуть на нее, Хью неожиданно подумал, что есть какая-то закономерность в том, что они сидят вот так, рядом, в темноте ночи. А над ними сияют мириады звезд, и только звуки отдаленной реки нарушают тишину...

Казалось, горячая ночь напоена волшебством, и Хью, вдруг не удержавшись, потянулся к Иден, как уже было однажды в знойных садах дворца. Иден повернулась к нему, их глаза встретились. Оба замерли, и вдруг девушка оказалась в его объятиях. Они не знали, как это случилось. Тело ее было волшебно нежным и стройным под грубой тканью кафтана, а кожа источала аромат розовых лепестков.

Их губы нашли друг друга, и Хью поразился сладости этого прикосновения. Он притянул ее ближе, наклонил голову и начал целовать страстно, раздвигая ее губы своими. Это был долгий поцелуй, наполненный ощущением чуда. Иден почувствовала, как закружились звезды и земля медленно поплыла куда-то. Казалось, на всем белом свете не осталось ничего, кроме этих настойчивых губ, которые так требовательно прильнули к ней.

Что-то зародилось и шевельнулось у нее в глубине, странный жар пробежал по крови и сосредоточился в самом потайном месте между ног. Должно быть, Хью почувствовал это, потому что он убрал руку с ее талии, которую обнимал,

и, откинув жесткую ткань кафтана, положил ладонь на обнаженную грудь. Пальцы Хью были сильными и уверенными, и сосок от их прикосновения мгновенно набух и стал твердым. Иден показалось, что ее кровь стала еще горячее и закипела внутри нее. Она прижалась к Хью, тело ее будто таяло от его близости...

– Бог мой! – выдохнул Хью, и в этом выдохе послышались изумление и страсть.

В это мгновение тишину ночи нарушило ржание стреноженной лошади. Возможно, ее спугнул охотящийся мангуст или ветер донес запах шакальей стаи. Но тут же опять все стихло, никто в спящем лагере не проснулся, однако на Иден этот звук подействовал как ушат холодной воды.

Она лежала в объятиях Хью Гордона, положив голову ему на плечо, забыв обо всем, отдавшись его поцелуям. Но когда Иден неожиданно очнулась, она вдруг запаниковала и со всей силой ударила Хью локтем в пах. Тот тихо вскрикнул от боли и сразу же отпустил ее. Иден с трудом поднялась и молча посмотрела на него, зажав рот дрожащей рукой так сильно, что побелели суставы.

– Теперь я понимаю, почему вы так охотно содействовали моему побегу! – вырвалось у нее. Глаза девушки сверкали от гнева. – Я для вас просто одна из наложниц Малраджа, не так ли? Ну так знайте: вы глубоко ошибаетесь! Если вы еще хоть раз позволите себе подобное, вы очень пожалеете!

– Поверьте мне, мисс Гамильтон, я уже жалею, – заверил

девушку Хью, растирая место удара.

Иден подхватила свободные концы кафтана, повернулась и исчезла в темноте. Она нашла свою кошму и упала на нее. Девушка долго лежала неподвижно, сердце ее взволнованно стучало, грудь вздымалась в такт дыханию. Сначала она не сомневалась, что он побежит за ней, но проходили мучительные минуты, а в дальнем конце лагеря все было тихо. Иден облегченно вздохнула. Слава Богу, он решил оставить ее в покое. Она не знала, что сделала бы, попробуй он поцеловать ее еще раз!

Перевернувшись на спину, она посмотрела на огромный черный полог небосвода с мерцающими звездами и осторожно провела пальцем по саднящим губам. Господи, она и не догадывалась, не подозревала, что поцелуй может быть таким! Женщины в зенане бесконечно обсуждали разные способы любви, но никогда, никогда она не подозревала, что простое прикосновение уверенных мужских губ может взволновать так, что перехватит дыхание.

– Я не могу оставаться здесь больше ни минуты, – прошептала Иден в темноту. – Нельзя оставаться рядом с ним! Надо идти в Равалпинди с капитаном Молсоном!

Иден подозревала, что капитан не очень обрадуется, узнав, кто она. Но это и даже то, что Молсон может потребовать ее возвращения в Маяр, не было так страшно, как сумятица в чувствах, которую вызвали у нее поцелуи Хью Гордона...

«Я не должна больше о нем думать, не должна. Надо немедленно бежать, – подумала Иден. – После того что случилось, я не могу его видеть!»

Наконец девушка закрыла глаза. Но только когда первые бледные лучи рассвета осветили дальние вершины, она забылась и уснула.

Глава 6

Над розовыми от солнечного света стенами Дели взметнулись в небо минареты и луковичные купола Большой мечети Шах-Джахана. Ее резные каменные колонны и серебряная вязь сверкали на солнце. На фоне бесконечного горного кряжа, протянувшегося вдали, солнечные блики весело играли на бойницах Красной крепости, а в проеме древних ворот перекатывались клубы пыли. В тесноте крыш, башен и куполов небо разрезали изогнутые полумесяцы, свидетельствующие о влиянии и силе мусульманских завоевателей, которые заложили первые камни в основание этого древнего города на равнине. Торговые пути, проложенные ими в песках пустыни, служили людям до сих пор и, несмотря на полуденное пекло, были полны странников и нищих, повозок и верблюдов; в обе стороны мелькали элегантные экипажи знатных английских дам.

Иден Гамильтон, отъехав верхом на жеребце на обочину, чтобы не столкнуться со священной браминской коровой, пасшейся посредине дороги, с нескрываемым удивлением смотрела вокруг. Она уже отвыкла от жизни в индийском городе, населенном в основном британцами. Куда бы она ни бросила взгляд, везде мелькали кринолины с пенящимися нижними юбками, мужские дхоти, женские сари, мусульманские чадры... Прогуливались неторопливо молодые англий-

ские пары; шумная компания солдат расположилась перекусить у древних городских ворот, их веселый гомон перемежался песней. Трудно было поверить, что всего четыре года назад на этом месте обезумевшая толпа индусов варварски рубила на куски защитников Дели.

– Они забыли, да? – тихо обратилась Иден к сопровождающему ее солидному белому мужчине среднего возраста.

– Забыли? Не думаю, – отозвался полковник Фредерик Портер, сразу же понимая, о чем говорит девушка. – Мы, британцы, не мстительны по натуре, но иногда, должен сознаться, легче вести себя так, будто этого ужаса не было вообще.

– Победителям легко так говорить, правда? – с едва уловимой горечью произнесла Иден. – Не думаю, что кто-либо из в... из нас, – быстро поправилась девушка, – задумывался, каково приходится народам Индии, когда они ценой стольких жизней не успели вырваться из-под ига Ост-Индской компании, как оказались под пятой британской короны.

Полковник Портер рысцой ехал рядом с девушкой. Он сочувственно посмотрел на ее сосредоточенное лицо под небольшой черной амазонкой, понимая, как тяжело девушке возвращаться к этой жизни: ведь умом и сердцем она почти превратилась в индианку. Тем не менее за последние шесть дней она добилась замечательных успехов. В костюме для верховой езды из синего бархата, отделанном черным кантом, в ней невозможно было признать юношу в чалме, кото-

рого привел к нему в дом граф Роксбери поздно ночью неделю назад.

Лицо полковника, обрамленное пышными седыми бакенбардами, расплылось в улыбке, когда он вспомнил эту сцену. Сразу было видно, что отношения у нее с графом не из лучших. Полковнику никогда не приходилось видеть двух молодых людей, так враждебно настроенных друг к другу: гордо вскинутый прямой носик и необыкновенно синие глаза мисс Гамильтон говорили о явной неприязни, а Роксбери, у которого терпение никогда не входило в число добродетелей, просто подтолкнул девушку к полковнику и сразу же выскочил за дверь. Хорошо еще, что носильщик графа, Бага Лал, приехал раньше и предупредил полковника об их прибытии. Миссис Портер с дочерьми гостила у Хобсонов по случаю свадьбы Селии Хобсон, иначе пришлось бы нелегко: любившая во всем порядок в доме, она бы не потерпела, чтобы к ней в дом ввалилось полдюжины грязных с дороги мужчин, граф Роксбери со слугами и молодая женщина, дочь английского полковника, в совершенно неподобающем одеянии.

Полковник распорядился, чтобы ошарашенные служанки побыстрее приготовили подходящую одежду и горячую воду для ванны, и отослал носильщиков графа на задний двор подкрепиться. А потом сумел убедить его сиятельство спокойно поговорить в кабинете, где молча, не перебивая, выслушал рассказ Роксбери об удивительной истории мисс Гамильтон.

– Разумеется, пусть она поживет здесь, мой мальчик, – сразу же согласился полковник, заинтригованный всем, что услышал. – Надеюсь, вы не думаете, что я способен выставить ее на улицу?

Хью Гордон не скрывал облегчения. Он много лет был знаком с полковником, не сомневался в его поддержке и с радостью переложил свою беспокойную ношу на его плечи. Господи, знай он, какой недотрогой окажется Иден Гамильтон, ни за что бы не поцеловал ее тогда ночью! Хватит с него ее ледяных, надменных взглядов! Он злился на самого себя за то, что поведение Иден так задевает его. После того ночного происшествия не было дня, когда граф не жалел, что не отпустил ее с капитаном Молсоном в Равалпинди. Вместо этого он вышел из себя и категорически настоял, чтобы она ехала вместе с ним в Дели.

– Придется повозиться с ней, Фред. Она дикая штучка – приручить ее будет нелегко, – предупредил он полковника, когда они разговаривали в затененном кабинете под скрип опахала и наблюдали, как ползают ящерицы-гекконы по потолку. – Вы уверены, что не передумаете?

– Чепуха, – успокоил его полковник. – Никогда не отступаю перед опасностью, неужели отступлю перед дочерью пехотного полковника! И потом, между нами говоря... – он зашептал как заговорщик, хотя подслушивать было некому, кроме зевающего опахальщика, – ...здесь последнее время такая скука, бунтовщики поутихли, ушли в горы, военным

делать совершенно нечего. А все жара, скажу тебе. Миссис Портер часто становится совсем несносной из-за жары. Ей это пойдет только на пользу – перестанет жаловаться на погоду и поиграет в леди Благотворительность. Благие дела как раз для моей Клариссы.

Про себя Хью подумал, что помощь такому неукротимому и своевольному созданию, как Иден Гамильтон, трудно назвать благим делом, но он хорошо знал Клариссу Портер и был уверен, что эта задача ей по силам. Это была шумная, властная женщина, сентиментальная в душе. Она возглавляла делийское общество и потому прекрасно знала, что необходимо предпринять, чтобы городское дворянство приняло Иден.

– Завтра утром первым делом загляну к губернатору, – добавил полковник, – посмотрим, может, удастся разыскать ее родственников. В конце концов, должен же остаться хоть кто-нибудь, как вы думаете? Что до Клариссы – считаю, лучше не говорить ей, как мисс Гамильтон провела последние три года жизни. Зенаны и махараджи – все это прекрасно звучит только в волшебных сказках, но не здесь, в Дели, где молодые леди не общаются с иноземцами. Постараюсь, чтобы не было сплетен.

– Вот и отлично, – с облегчением вздохнул Хью и отказался от предложения пропустить еще по стаканчику бренди, сославшись на неотложное дело в Дели. Кроме того, его ждут в конце месяца в Калькутте, там он должен отчитаться

в политическом департаменте. Потом, возможно, ему удастся вернуться в Дели, проведать мисс Гамильтон, но сейчас он ничего обещать не может.

– Понимаю, – ответил полковник, сердечно пожимая руку графа. Он не задавал лишних вопросов. Холодный взгляд голубых глаз графа всегда многое скрывал. Полковник слишком уважал его, чтобы ставить в неловкое положение расспросами о миссии в Маяре или об отчете в политическом департаменте.

Полковник и раньше догадывался, что Хью Гордон время от времени наезжает в Индию не только по выгодным торговым делам, но еще обладает и опасным даром понимать не только белых, но и туземцев. Это качество заметно возросло в цене после восстания, и губернатор часто прибегал к услугам графа, неофициально, разумеется, поскольку его сиятельство не состоял на индийской гражданской службе и не имел военного звания, а стало быть, и Фредерику Портеру не стоило совать нос в дела, которые его не касаются.

Они молча вышли на веранду, где Бага Лал и другие слуги терпеливо дожидались хозяина. Полковник опять протянул Хью руку, и тот с неподдельной теплотой пожал ее:

– Огромное спасибо вам, Фред. Немногие на вашем месте согласились бы приютить осиротевшую британскую девушку без всяких расспросов.

– Я делаю это только ради вас, – с улыбкой отозвался полковник, – может, подождете немного и попрощаетесь с ней?

– Нет уж, спасибо, – сухо ответил граф, и полковник сразу же узнал упрямые складки в уголках рта, которые видел не раз. Он вернулся в дом и задумался, правильно ли поступает, принимая девушку у себя. Справится ли он с заботами, которые теперь свалятся на него. Молоденькая незнакомка в доме – это непросто! Наверное, сначала надо было поговорить с миссис Портер, прежде чем согласиться. Ведь, если сказать честно, его жена придерживается очень строгих правил, кто знает, как она отнесется к такому нарушению хорошо налаженной жизни...

Однако, к его бесконечной радости, миссис Портер не только пришла в восторг, но и выразила живейшее сочувствие судьбе несчастной девушки. Конечно, мисс Гамильтон останется у них. Тут и говорить не о чем! А еще она сейчас распорядится, чтобы для мисс Гамильтон подготовили подобающий гардероб, ведь те несколько сари, что девушка привезла с собой в пыльном дорожном мешке, не наденешь. Хорошо, что у их старшей дочери Аллегры груды одежды, и подгонка потребовалась самая незначительная – мисс Гамильтон оказалась чуть выше.

– Вы пробудете у нас сколько нужно, пока не отыщете родственников, – закончила Кларисса Портер, наслаждаясь ролью благотворительной матроны и искренне сочувствуя девушке.

– Вы так добры, – пробормотала Иден с опущенными глазами, а полковник, который присутствовал при их разговоре,

подивился про себя: почему это граф Роксбери назвал эту прелестную девушку неуправляемой?

Трубный звук раковины и несмолкаемый гомон вокруг вернули полковника к действительности. Оглядевшись, он с удивлением заметил, что их лошади уже почти достигли улицы Лунного света, служившей главной магистралью Дели. Солнце нещадно жгло крыши домов по обе стороны улицы, а вдалеке у городских стен переливалась, подобно жидкому серебру, река Джамна. Полковник поморгал и, глядя на карманные часы, удивился, куда это ушло время.

– Боже мой, – обратился он к Иден разочарованно, – я собирался показать вам Кутаб-Минар и усыпальницы Семи Городов, но, боюсь, уже нет времени. Коттингону не понравится, если мы опоздаем. Сюда, дорогая.

Если Иден и волновалась, вступая под своды внушительной приемной Дома правительства, где ее ожидали три незнакомца, которые с нескрываемым любопытством рассматривали ее, она ничем не выдала этого. Опустилась в предложенное кресло, расправила складки на юбке Аллегры Портер, гордо вскинула подбородок и из-под полей шляпы с холодным достоинством осмотрела каждого из троих.

В приемной было очень душно, а скрип опахал, казалось, только усиливал духоту. Жалюзи на окнах не шевелились – не было ни малейшего ветерка, а листья цветка, стоящего у выхода, поникли от жары. Когда официальные представления закончились и слуга в чалме принес угощение, полков-

ник и три чиновника расселись на скрипящие стулья.

Хотя взгляд Иден был холоден и непроницаем, она не могла скрыть до конца свое волнение, когда в комнате воцарилась гнетущая тишина. Девушка остановила взгляд на человеке, которого полковник представил ей как Уильяма Коттингтона, чиновника из разведывательного департамента северо-западных провинций, прибывшего из Оудха специально для встречи с ней. Почувствовав на себе выжидающий взгляд девушки, сэр Уильям откашлялся и зашуршал бумагами, лежавшими перед ним на небольшом столике.

– Думаю, полковник Портер уже сообщил вам, что ваш отец погиб при осаде резиденции в Лакнау, мисс Гамильтон. Мне удалось разыскать несколько вещей, которые принадлежали вашему отцу, позвольте передать их вам. Все эти годы они хранились у нас в архивах.

– Благодарю вас, сэр, вы очень любезны, – пробормотала Иден.

– Тогда мы сразу предприняли меры к розыску уцелевших родственников вашего отца, – продолжил сэр Уильям. – Вы, наверное, уже знаете, что этот розыск не принес результата. – Чиновник прищурился и посмотрел на листок, лежащий перед ним. – Ваш дядя, Донан Гамильтон, был убит в Мадрасе в самом начале восстания, а его дочь, полагают, погибла в числе тридцати с небольшим европейцев, которые были зарублены в Мируте. Сейчас мы проводим дополнительные поиски ваших родственников в Шотландии. Возможно, кто-

то остался.

– Да-да, я сам этим занимаюсь, – торопливо подтвердил полковник Портер и улыбнулся Иден, успокаивая ее. – Мы не теряем надежды найти кого-нибудь из ваших родственников в самое ближайшее время.

– Это хорошо, – вежливо отозвался сэр Уильям. По правде сказать, этому измотанному работой, уставшему чиновнику было совершенно безразлично, откуда взялась и где провела годы после подавления восстания эта молодая особа. Единственной его обязанностью было передать личные вещи погибшего полковника Гамильтона его дочери. Когда это было сделано, сэр Уильям сразу потерял всякий интерес к дальнейшей судьбе девушки. Он сделал знак своему секретарю и с нетерпением наблюдал, как молодой человек взял небольшую деревянную шкатулку со стола и передал девушке в руки.

– К сожалению, осталось лишь немногое, мисс Гамильтон, – извинился он.

Иден грустно посмотрела на него.

– Спасибо, – тихо произнесла она.

Все выжидающе замолчали, но Иден не открывала шкатулку, лежащую у нее на коленях. Шкатулка была на удивление легка, и девушка с трудом сдержала желание потрясти ее, чтобы убедиться, что внутри нее действительно есть что-то, принадлежавшее в прошлом ее отцу и являющееся теперь единственным подтверждением его существования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.